

A. lat. a.

2613

v

A. lat. a. 2613 V

ЭЛЕГИ
ТИБУЛЛА

~~~~~  
ВЪ ПЕРЕВОДЪ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ

**А. Фета.**

~~~~~  
2-е изданіе.
~~~~~

—•—•—•—•—•—•—
272
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Типографія А. Ф. Маркса. Средн. Подъяческая, № 1.

Дозволено цензурою. СПБ. 16 сентября 1898 г.

22/94/420

A. lat. a. 2613 ✓

Федору Евгениевичу

Коршу.

Геройскихъ лѣтъ поклонникъ жадный
Въ тебѣ Миноса узнаетъ:
Никто безъ нити Аріадны
Въ твое владѣнье не войдетъ.

Но это судъ земного рода,
Онъ не зоветъ души моей.
О, какъ я радъ, что ты у входа
Стоишь въ блаженный Елисей.

Взглянувъ на ширь долины злачной,
Никто не цѣнитъ такъ, какъ ты,
Всеі этой прелести прозрачной,
Всеі этой легкой простоты.

Вотъ почему, смирясь душою,
Тебя о милости прошу,
И неувѣренной рукою
Вѣнки Тибулла подношу.

1885 года.

2-го октября.

Предисловіе.

«У кого что болит, тотъ про то и говоритъ». Всякій русскій понимаетъ, что подъ словомъ «болитъ» пословица разумѣетъ не исключительно физическія страданія, но вообще всякій аффектъ. Неудивительно, что и намъ, переболѣвъ Тибулломъ, въ свою очередь хотѣлось бы подѣлиться, какъ общимъ впечатлѣніемъ его элегій, такъ и возникшимъ въ душѣ нашей плѣнительнымъ образомъ самого поэта. Но если вообще трудно словами воссоздавать образы, то задача эта становится еще труднѣе по отношенію къ Тибуллу. Рано похищенный смертію, Тибуллъ оставилъ небольшое собраніе элегій преимущественно въ наброскахъ, которые предполагалъ закончить, скруглить и дополнить сохранившимися вставками. Между его рукописями нашлись стихотворенія современнаго ему не менѣе талантливаго, неизвѣстнаго элегика, которыя ошибочно первыми собирателями сочтены были за его собственныя. Понятно, въ какомъ безпорядкѣ въ теченіе вѣковъ находился самый текстъ, исправленіе котораго въ теченіе тысячелѣтій представляло, и до сихъ поръ представляетъ, большія затрудненія. Говоря о характерѣ писателя, необходимо различать характеръ его произведеній отъ его личнаго. Но можно ли составить себѣ ясное

понятіе о сочиненіи, коего разорванный и случайно разбросанный текст представляет подобіе какихъ-то оазисовъ, покрытыхъ растительностью невѣдомаго намъ происхожденія. Въ этомъ случаѣ нельзя не воздать живѣйшей благодарности Б. Фабриціусу за любовь, тщательность и мастерство, съ какимъ онъ въ 1881 г. издалъ въ Берлинѣ книжку элегій Тибулла. Въ нашемъ переводѣ мы строго держались этого изданія, сохранивъ, подобно ему, въ скобкахъ номера элегій въ томъ порядкѣ (читай хаосѣ), въ которомъ онѣ хранились въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ. Только сгруппированныя искусною рукою Фабриціуса элегіи Тибулла являются главнымъ образомъ прелестными памятниками двухъ его сердечныхъ увлеченій: сначала простоватою и добродушной Деліей, а затѣмъ бойкой, пронырливой и корыстной Немезидой. Этого мало: каждый отдѣльный цвѣтокъ элегическаго вѣнка, вплетаемый рукою поэта, соотвѣтственно драматическому ходу любовнаго отношенія, восполняетъ собою вѣнокъ элегической поэмы и даетъ возможность любоваться имъ, не только по отношенію къ его отдѣльной красотѣ, но и по гармоніи его въ общемъ вѣнкѣ.

«Цвѣтъ засохшій, безуханный,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

—

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ?»

Такимъ цвѣткомъ является всякое стихотвореніе истиннаго лирика, но чей догадливый умъ можетъ различить въ поэтическомъ гербаріумѣ:

„Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?“

каждый отдѣльный цвѣтокъ?

Съ этой стороны небольшой, но роскошный гербаріумъ Тибулла подъ рукою Фабриціуса представляетъ счастливое исключеніе.

Передъ глазами внимательнаго читателя возникаютъ не только двѣ отдѣльныхъ куртины съ ихъ нетлѣнными цвѣтами, но и самыя очертанія этихъ куртинъ съ соотвѣтственной растительности почвою. Въ своихъ элегическихъ вѣнкахъ Тибуллъ даетъ намъ возможность переживать лучшіе сознательные годы его кратковременной жизни. Что касается до чисто внѣшней стороны элегій, то, въ виду собственнаго вниманія читателя, считаемъ излишнимъ распространяться о художественной ихъ формѣ, въ которой такъ мало искусственности и такъ много искусства. Поверхностные читатели нерѣдко укоряютъ Тибулла въ однообразіи. Конечно, бываютъ поэты, подобно Катуллу и Пушкину, одинаково владѣющіе и нѣжною одой, и торжественнымъ гимномъ, и ядовитымъ сарказмомъ, но отсутствіе такого разнообразія не можетъ служить художнику укоризной. Можно и должно укорять художника въ рутинномъ повтореніи, но не въ однообразіи общаго настроенія; въ такомъ случаѣ вслѣдъ за Вуверманомъ пришлось бы въ настоящее время браковать всѣхъ живописцевъ жанра, такъ высоко цѣнимыхъ всѣмъ свѣтомъ. Если по справедливости можно чему-либо удивляться въ Тибуллѣ, то развѣ его неистощимой находчивости и богатству воображенія. До сихъ поръ мы говорили о характерѣ Тибулловой поэзіи. Мы желали бы, хотя отчасти, передать впечатлѣніе, производимое на насъ самою его личностью. Говоря о личности Катулла, мы рѣшились, хотя и съ оговорками, уподобить его нашему Пушкину. Мы охотно прибѣгли бы къ тому же приему и по поводу Тибулла, приравнявъ его, въ виду элегическаго строя лиры, къ Жуковскому, но это невозможно, во-первыхъ, потому, что у Жуковскаго частная жизнь по-

эта далеко не такъ наглядно связана съ его произведеніями, а во-вторыхъ, потому, что представить себѣ римскаго изнѣженнаго баловня, хотя бы и поэта, въ почтенномъ образѣ Жуковскаго далеко не вѣрно. Мы скорѣе признали бы первообразъ Тибулла въ молодомъ эпикурейцѣ, такъ мастерски очерченномъ Пушкинымъ въ его Египетскихъ ночахъ.

«За нимъ Критонъ, молодой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харить, Киприды и Амура».

Съ этими стихами невольно сопоставляются стихи Горация, друга поэта, хорошо знакомаго какъ съ его личностью, такъ и съ его образомъ жизни. (Гор. I, 4.)

Къ Альбію Тибуллу.

- Альбій, нашихъ ты сатиръ судья безпристрастный,
Чѣмъ, скажу я, ты занятъ теперь въ окрестности Педа?
Пишешь ли, Кассія Пармскаго ты стишки затмевая,
Иль въ освѣжительныхъ рощахъ ты молчаливо гуляешь,
5. Размышляя о томъ, что мудрыхъ и добрыхъ достойно?
Не былъ вѣдь тѣломъ ты безъ души. Красоту тебѣ боги,
Боги богатства тебѣ и умѣніе жить ниспослали.
Милому лучше чего жъ пожелаетъ кормилка питомцу;
Властному ужъ разсуждать и высказывать чувства, когда онъ
10. Дружбою, славой, избыткомъ здоровья владѣетъ и жизнью,
Окруженный довольствомъ, безъ недочета въ карманѣ?

Восполнить по возможности прелестный образъ юноши поэта намъ поможетъ то немногое, которое мы рѣшаемся представить какъ:

Жизнеописаніе Тибулла.

Имя нашего поэта Альбій Тибуллъ. Его предшествующее имя неизвѣстно, хотя съ нѣкоторымъ основаніемъ предполагали, что это имя было *Авлъ*, которое, по причинѣ тождества начальныхъ буквъ съ Альбіемъ, затерялось.

Хотя, основываясь на III, 5, 17, въ нашемъ изданіи 31:

«Мой рожденія день родители встрѣтили первый,
Какъ въ одинакой судьбѣ консулы оба легли»,

и считали 711 г. отъ Ос. Р. днемъ рожденія Тибулла, такъ какъ въ этотъ годъ въ битвѣ при Мутинѣ пали оба консула Гирцій и Панза, но послѣ того, какъ разъяснено, что означенное стихотвореніе принадлежитъ не Тибуллу, а неизвѣстному, то изъ многихъ лѣтъ всего удобнѣе остановиться на 700 г. для обозначенія времени рожденія нашего поэта. Тибуллъ умеръ въ концѣ 735 года, въ скорости за *Виргиліемъ*, умершимъ въ томъ же году 22-го сентября, а такъ какъ онъ, по свидѣтельству *Овидія* Amor. III, 9, 1, умеръ еще юношей, почему поэтъ сравниваетъ его съ *Мемнономъ* и *Ахиллесомъ*, то трудно представить, чтобы онъ родился ранѣе 700 года.

Этимъ объясняется и отношеніе Тибулла къ *Мессаллѣ* и къ *Горацію*, какъ къ старшимъ; да и самъ *Горацій* отно-

сится къ нему (Од. I, 33 Посл. I, 4) тономъ старшаго друга къ младшему, а Горацій родился 8 декабря 689, а Мессалла между 680 и 687.

Семейство Тибулла принадлежало къ сословію всадниковъ и было первоначально богато (въ нашемъ изданіи элегія 3, стих. 37). Отець его, повидимому, рано умеръ, такъ какъ онъ упоминаетъ только о матери и сестрѣ и никогда не говоритъ объ отцѣ и уже въ 713 году самъ вступилъ во владѣніе отцовскимъ имѣніемъ. Быть-можетъ исключительно женскимъ вліяніемъ на его воспитаніе отчасти объясняется нѣжность тона, которымъ онъ отличается среди римскихъ поэтовъ. Благосостоянію его семейства въ томъ же 713 году нанесенъ былъ сильный ударъ раздѣленіемъ полей, оказавшимся столь гибельнымъ и для другихъ современныхъ поэтовъ (Виргилія, Горація, Проперція и др.). Тибуллъ лишился значительной части своего наслѣдства, но у него осталось, по крайней мѣрѣ, настолько, что онъ могъ докончить свое образованіе и вести, хотя скромную, но беззаботную жизнь. Быть-можетъ страхъ повторенія того же несчастія понудилъ его искать покровительства сильнаго. Такимъ образомъ внѣшнее стѣсненіе привело и его, какъ Виргилія и Горація, къ сознанію своихъ поэтическихъ силъ и поставило въ кругъ, способствовавшій развитію его дарованій. Въ 723 году онъ написалъ весьма слабое стихотвореніе въ похвалу одному изъ полководцевъ Октавіана, М. Валерію Мессаллѣ.

Такъ какъ до сихъ поръ не рѣшено, принадлежитъ ли это слабое стихотвореніе самому Тибуллу, то оно, подобно элегіямъ къ Марату (обычныхъ изданій I, 4, 8 и 9), исключено изъ изданія Фабриціуса, за что истинные почитатели Тибулла только могутъ быть признательны ученому. Сопутствовалъ ли Тибуллъ своему покровителю въ походѣ въ Азію и Египетъ, нельзя сказать утвердительно, но во вся-

комъ случаѣ онъ сопровождалъ его въ походъ противъ возмущившихся аквитанцевъ, который надо отнести къ 726 году, такъ какъ 25 сентября 727 года Мессалла уже праздновалъ свой аквитанскій триумфъ. Нѣкоторыя рукописи замѣчаютъ, что Тибуллъ стяжалъ при этомъ даже военныя награды, но война не была дѣломъ нашего поэта. Поэтому, когда позднѣе Мессалла, отправляясь въ Азію, пригласилъ Тибулла съ собою, то онъ (I, 1) отклонилъ это предложеніе, но позднѣе все-таки рѣшился имъ воспользоваться и, какъ видно I, 3, 9—20, одинъ отправился изъ Рима. Присоединившись къ обществу Мессаллы, онъ на островѣ Корциръ (Корфу) остался больнымъ. По выздоровленіи своемъ Тибуллъ вернулся въ Римъ, и такимъ образомъ желаніе Мессаллы—доставить поэту возможность поправить свои дѣла на службѣ, не осуществилось. Тѣмъ не менѣе, приведенное нами выше посланіе Горація представляетъ намъ Тибулла не только красивымъ, истинно-образованнымъ, но и скорѣе богатымъ, чѣмъ нуждающимся юношею. При такихъ счастливыхъ условіяхъ нечего удивляться его успѣхамъ у женщинъ. Тутъ первымъ предметомъ его страсти появляется Делія, а вторымъ Немезида. Настоящее имя Деліи, по свидѣтельству Апулея, было Планія (или Плаутія). Мы знаемъ, что римскіе поэты, во избѣжаніе сплетней, подставляли вмѣсто настоящихъ именъ своихъ возлюбленныхъ вымышленныя имена одинаковой мѣры (у Катутла Лезбія, у Проперція Цинтія). Быть-можетъ *Делія* греческій переводъ Планіи, такъ какъ $\delta\eta\lambda\omicron\varsigma$ = planus (ровный, открытый). Делія является намъ въ стихахъ Тибулла свободно рожденной римлянкой, хотя и не высокаго рода и безъ особеннаго умственнаго развитія. Она прекрасна, добродушна, чувственна и суевѣрна. Несмотря на мечтательную нѣжность къ ней Тибулла, нельзя не замѣтить, что въ духовномъ отношеніи она ему далеко не пара, и что

онъ, очевидно, долженъ былъ принижаться, чтобы быть ей понятнымъ. Тѣмъ не менѣе въ нравственномъ отношеніи она гораздо чище и выше бездушной и алчной Немезиды, сумѣвшей наружною красотой и блескомъ образованія съ кокетствомъ Гетеры забрать въ руки поэта. Кромѣ этихъ двухъ предметовъ любви, которымъ послѣдовательно посвящены два элегическихъ вѣнка нашего поэта, нѣкоторые толкователи, на основаніи (Горац. I. Од. 33),

«Мой Альбій, не тоскуй безъ мѣры, огорченъ
Глицерой вѣтренной, и, грусти не тревожа,
Элегій ты не пой о томъ, что предпочтенъ
Тебѣ годами помоложе».

желаютъ видѣть въ Глицерѣ третью возлюбленную Тибулла. Оставляя въ сторонѣ все сказанное за и противъ этой мысли, остановимся на слѣдующемъ соображеніи. Тибуллъ лично не издавалъ въ свѣтъ своихъ стихотвореній, которыя уже по смерти поэта были торопливо изданы его неизвѣстнымъ почитателемъ. Если въ посмертныхъ рукописяхъ сохранились даже чужія стихотворенія, то какимъ образомъ могли пропасть элегіи къ Глицерѣ, о которыхъ упоминаетъ Горацій. А какъ стихотвореніе Горація обнародовано было еще при жизни Тибулла, и Горацію несомнѣнно было извѣстно имя той, кого воспѣвали элегіи Тибулла, то онъ могъ по общему правилу подставить подходящее имя Глицеры; а по смерти поэта собиратель, въ виду подобнаго же затрудненія, замѣнилъ настоящее имя именемъ Немезиды. Вотъ самое простое и правдоподобное разъясненіе вопроса.

Говоря о Тибуллѣ и несомнѣнныхъ его произведеніяхъ, оставляемъ въ сторонѣ непринлежащія ему элегіи, о которыхъ будетъ своевременно говорено въ примѣчаніяхъ. Выше мы указали на 735 годъ отъ Ос. Р., какъ на годъ

смерти поэта, которому отъ роду не могло быть свѣше 35 лѣтъ. Предоставляя самому читателю личнымъ знакомствомъ съ элегіями Тибулла возсоздать идеальный образъ пѣвца, напоминающаго отчасти вполне идеальнаго Ленскаго, заключимъ немногія слова наши стихами великаго поэта:

«Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
Покойся юноша-поэтъ!»

Элегіи А. Тибулла.

~~~~~
Періодъ первый.

—
1 (I, 7).

—
Ко дню рожденія Мессаллы.

День сей Парки сулили, прядущія нити судьбины ¹⁾
Такъ, что богъ ни одинъ ихъ ужъ не можетъ порвать:

1 (I, 7). Послѣ того, какъ М. Валерій Мессалла Корвинъ, знатный, богатый и образованный приближенный Октавіана, въ концѣ 31-го или въ началѣ 30 г. до Р. Х. покорилъ возмутившихся аквитанцевъ, былъ онъ посланъ Октавіаномъ на востокъ, именно въ Киликію, Сирію и, наконецъ, въ Египетъ, гдѣ онъ оставался всего долѣе. Вернувшись оттуда, онъ осенью 27-го года торжествовалъ свой аквитанскій триумфъ, и въ скорости затѣмъ родные и друзья праздновали день его рожденія. Къ этому дню молодой Тибуллъ написалъ настоящее стихотвореніе, въ которомъ, слегка коснувшись военныхъ подвиговъ Мессаллы, поэтъ переходитъ къ мѣстамъ позднѣйшаго его пребыванія, особенно въ Египтѣ, этой для римлянъ чудной странѣ. Уже и въ этомъ раннемъ стихотвореніи высказывается любовь поэта къ сельской тишинѣ.

¹⁾ День рожденія Мессаллы былъ уже предвѣщенъ Парками въ томъ смыслѣ, что родившійся предназначается быть великимъ человекомъ.

Быть ему тѣмъ, кто бы могъ племена аквитанцевъ
разсѣять,

Чтобъ передъ строемъ его храбрымъ Атаксъ трепеталъ. ⁴⁾

5. Такъ и сбылось: молодежь въ Римѣ новый триумфъ
увидала

И побѣжденныхъ царей связанныхъ руки назадъ.

А тебя въ колесницѣ изъ кости слоновой, Мессалла!

Въ лаврахъ побѣдныхъ везли бѣлые кони какъ снѣгъ.

Не безъ Марса тамъ честь родилась, это знаютъ. ⁹⁾

10. И Тарбелла Пирень и Океанъ Сантоникъ.

Знаетъ Араръ и Роданъ и быстрыя воды Гаронны, ¹¹⁾

И говорливый потокъ русскихъ Карнутовъ, Лигерь. ¹²⁾

Циднъ! иль тебя воспою, который безмолвныя воды ¹³⁾

Медленно по голубымъ отмелямъ въ море струишь?

15. Или какъ, облаковъ воздушныхъ касаясь вершиной,

Тавръ киликійцевъ всегда всключенныхъ кормить въ
снѣгахъ? ¹⁶⁾

⁴⁾ *Атаксъ*—нынѣшняя рѣка Одъ, вытекающая изъ Пиринеевъ и текущая на сѣверо-востокъ отъ Нарбонны. вмѣсто жителей трепещетъ сама рѣка.

⁹⁾ Бэренсъ мастерски исправилъ въ настоящемъ видѣ испорченное и крайне неумѣстное «не безъ меня тебѣ», въ смыслѣ «не безъ воинской доблести».

¹⁰⁾ *Тарбелла* — часть Пирень (Пиринеевъ), въ которой жилъ небольшой, но храбрый аквитанскій народъ Тарбеллы. Океанъ, омывающій берегъ, на которомъ къ сѣверу отъ Гаронны обитали сантонны.

¹¹⁾ *Араръ*—(Саона); *Роданъ*—(Рона).

¹²⁾ *Лигерь*—(Лоара), на берегу которой къ сѣверу жили бѣлокурые карнеты. вмѣсто говорливый «garulla» въ рукописяхъ стояло «саегула», синеватый.

¹³⁾ Съ запада поэтъ быстро обращается къ отдаленному востоку и прежде всего къ рѣкѣ Цидну въ Киликіи.

¹⁶⁾ Киликійцы изображаются *всклоченными*, неприбранными, грубыми.

Что-жъ? Расскажу-ль, какъ въ толпы городовъ Пале-
стины безстрашно

Бѣлый голубь летить, ибо сирійцу онъ святъ? ¹⁸⁾

Какъ на широкую гладь морскую съ башенъ взираетъ

20. Тиръ, научившись вѣрять первый вѣтрамъ корабли?

Какъ въ то время, когда рветъ Сиріусъ знойныя нивы,
Ниль плодотворный несетъ лѣтомъ обильно воды? ²²⁾

Ниль—родитель! какую могу указать я причину,

Или какую страну, гдѣ ты скрываешь главу?

25. Изъ-за тебя никакихъ дождей твои нивы не просятъ

И, засыхая, трава тучъ отъ Зевеса не ждетъ.

Мѣстная юность тебя воспѣваетъ, дивясь Озирису,

И о мемфисскомъ быкѣ плакать привычная тамъ. ²⁸⁾

Первый искусной рукой Озирисъ плуги изготовилъ

30. И желѣзомъ взрѣзалъ нѣжную почву потомъ,

Непривычной землѣ сѣмена онъ первый довѣрилъ

И съ неизвѣстныхъ деревъ сталъ собирать онъ плоды.

Нѣжную онъ и лозу научилъ привязывать къ жерди

И зеленый ей верхъ твердымъ серпомъ подчищать.

35. Далъ ему первому гроздь созрѣвшій сладкаго соку,

Какъ ногами его грубыми стали топтать;

Этотъ сокъ научилъ голоса изгибать подъ напѣвомъ

И подъ извѣстный размѣръ членамъ движенья внушилъ.

¹⁸⁾ Про безстрашіе голубей могъ бы Тибуллъ говорить не въ одной Палестинѣ, а даже въ нашей Москвѣ, гдѣ извозчики ихъ давятъ колесами.

²²⁾ Тибуллъ долѣе останавливается на Египтѣ, благоустройствомъ котораго продолжительно занятъ былъ Мессалла. Прежде всего ему бросается въ глаза то, что изъ неизвѣстныхъ источниковъ Ниль въ самую жару, когда созвѣздіе Сиріуса (собаки) покрываетъ поля трещинами, приносить наибольшее количество воды.

²⁸⁾ *Мемфисскій быкъ* — Аписъ, посвященный не только богу луны Тоту, но и общему богу рожденія Озирису, по смерти своей былъ сохраняемъ близъ Мемфиса въ Серапеумѣ.

И, великимъ трудомъ удручившему грудь, земледѣльцу
40. Вакхъ возможность послалъ горе разсѣять свое.

И опечаленнымъ смертнымъ Вакхъ посылаетъ отраду,
Въ тяжкихъ хотя-бъ кандалахъ ноги звенѣли у нихъ.

Не по тебѣ, Озирисъ! забота томленья и плача,

А хороводы, и въ нихъ пѣсни летучей любви,

45. А изобилъе цвѣтовъ и чело, плющомъ увитое,

А золотистый покровъ, спущенный къ нѣжнымъ пятамъ,

И одежды изъ Тира и флейта со сладостнымъ звукомъ

И небольшой лишь ковчегъ — тайнъ охранитель свя-
тыхъ. ⁴⁸⁾

Здѣсь появись и забавами Генія, Генія хоромъ

50. Праздную, голову ты сильно виномъ ороси;

Пусть благовонья съ его волосъ сіяющихъ каплютъ, ⁵¹⁾

Въ мягкихъ вѣнкахъ голова будетъ и шея его.

Такъ ты сегодня явись; я тебя ублажу еиміамомъ

И мопсонійскихъ сотовъ сладкаго меду подамъ. ⁵⁴⁾

55. А у тебя пусть растетъ потомство, чтобъ подвиги
множить

Отчѣе и вокругъ тебя, старца, въ почтеньи стоятъ.

Пусть о постройкахъ пути не молчитъ, кто въ Тус-
скихъ предѣлахъ, ⁵⁷⁾

Или близъ Ларовъ святыхъ Альбы блестящей живетъ,

Ибо щедротой твоей по немъ разсыпается твердый

⁴⁸⁾ Небольшой ковчегъ или корзина, заключающая въ себѣ символическіе атрибуты вакхическаго культа.

⁵¹⁾ Волосы генія должны быть орошены благовоніями.

⁵⁴⁾ *Мопсонійскихъ* сотовъ, т. е. аттическихъ, гиметскихъ, по мифическому царю Аттики Мопсону. (Овид. Превр. 5, 661).

⁵⁷⁾ Пусть никогда не забываетъ живущій въ Тускулумѣ, вокругъ святынь Альба-Лонги, благодарій, оказанныхъ ему Мессаллою сооруженіемъ дороги (via Latina), на востокъ отъ Рима черезъ Альба-Лонгу и Тускулумъ.

60. Щебень, и рядомъ плиты ладятъ съ искусствомъ
большимъ.

Воспѣваетъ тебя селянинъ, какъ, поздно вернувшись
Изъ столицы большой, ногъ онъ нигдѣ не зашибъ.
Ты же самъ на долгіе годы еще, день рожденья,
Все свѣтлѣй и свѣтлѣй къ намъ въ торжествѣ приходи!

2 (I, 10).

Война и миръ.

Кто это былъ, что мечи ужасные выдумалъ первый?
Что за жестокий онъ самъ, что за желѣзный онъ былъ!
Роду людскому тогда-жъ родились и убійства, и войны,
Тутъ кратчайшій былъ путь къ смерти суровой от-
крыть.

5. Но ни въ чемъ тотъ бѣднякъ неповиненъ; во зло мы
себѣ же

То обращаемъ, что онъ далъ намъ на дикихъ звѣрей.
Золота это вина богатыщаго; войнъ не бывало,
Какъ при трапезѣ стоялъ буковый только бокаль.
Не было стѣнъ и канавъ и сну предавался безпечно

10. Пастырь стада среди порознь лежащихъ овецъ.
Тутъ-то бы жизнь мнѣ была сладка; не зная оружья
Грустнаго, я-бъ не слыхалъ съ трепетомъ сердца трубы.
Нынѣ влекутъ меня въ бой и врагъ, пожалуй, ужъ
носить

2 (I, 10). Черезъ всю элегію проходитъ противоположеніе войны миру съ тѣмъ, однако, что ужасы войны описываются гораздо короче, чѣмъ радости и благословеніе міра, причемъ ярко выставляется симпатія къ послѣднимъ. Получивъ отъ друзей или высоко-стоящихъ знакомыхъ приглашеніе принять участіе въ Аквитанскомъ походѣ, Тибуллъ высказываетъ свою несклонность къ подобной дѣятельности.

- То копье, что въ моемъ должно увязнуть боку.
15. Но отцовскіе Лары, спасите! меня-жъ вы питали,
Какъ у вашихъ я ногъ бѣгалъ безсильнымъ птенцомъ.
Не стыдитесь, что вы изъ стараго пня рукодѣлье,
Такъ у древняго вы жили и дѣда въ дому.
Лучше вѣрность тогда хранили, какъ съ бѣднымъ
обрядомъ,
20. Въ тѣсномъ жилищѣ стоялъ только изъ дерева богъ.
Онъ ублажался, когда кто -нибудь приносилъ ему
грозды,
Иль изъ колосьевъ вѣнкомъ волосъ святой украшалъ.
А иной при мольбѣ услышанной самъ несъ лепешки,
И малютка за нимъ дочка отборнѣйшій сотъ.
25. Такъ отвратите отъ насъ вы, Лары! мѣдныя копья,

* *
*

- Жертвою явится хрякъ, сельскаго хлѣва приплодъ.
Въ чистой одеждѣ за ней я пойду, понесу и корзинку,
Миртомъ увивъ, и себѣ голову миртомъ увью,
Будь я угоденъ вамъ такъ. Другой пусть воюетъ въ
доспѣхахъ
30. И враждебныхъ вождей съ помощью Марса разить,
Чтобы онъ пьющему мнѣ о своихъ рассказать могъ
дѣяньяхъ,
Какъ солдатъ, и чертитъ лагерь виномъ на столѣ.
Черную смерть закликать войною, что за безумство?
Близко она и тайкомъ тихой стопою идетъ.
35. Тамъ ни посѣвовъ внизу, ни садовъ виноградныхъ,
а злобный
Церберъ и гнусный пловецъ черезъ Стигійскій по-
токъ, ³⁶⁾

³⁶⁾ Гнуснымъ пловцомъ представляется рано умершему юношѣ Харонъ.

Тамъ при сгорѣвшихъ щекахъ съ волосами сожжен-
ными бродятъ ³⁷⁾

Блѣдные лики толпой около темныхъ озеръ.

Какъ же счастливѣе тотъ, кого въ незатѣйливой хатѣ

40. Средь потомства его тихая старость найдетъ.

Самъ пасетъ онъ своихъ овецъ, а сынъ его агнцевъ,

И, какъ усталъ онъ, жена теплой воды припасетъ. ⁴²⁾

Быть бы такимъ я желалъ; чтобъ моя голова посѣдѣла,

И о прошлыхъ дѣлахъ я бы старикъ толковалъ.

45. Миръ между тѣмъ бы лелѣялъ поля. Миръ свѣтлый
впервые

Къ пахоти нужныхъ воловъ ввелъ подъ кривое ярмо.

Въ мирѣ и плугъ, и кирка работаютъ бойко, а мрачный

Воина гордый доспѣхъ ржавчина гложетъ впотьмахъ.

Миръ питаетъ лозу и сокъ винограда сливается,

50. Чтобы отцовскій сосудъ лилъ для потомка вино.

Бдетъ изъ рощи домой селянинъ, не слишкомъ-то
трезвый,

И на повозкѣ везетъ онъ и жену, и дѣтей.

Но разгораются тутъ войны Венеры, и стонетъ ⁵³⁾

Женщина, что волоса вырвали, сшибли ей дверь;

55. Плачетъ съ подбитою нѣжной щекой, но самъ побѣ-
дитель

Плачетъ, что далъ до того волю безумнымъ рукамъ.

А проказникъ Амуръ, ругательства распрѣ внушая,

Между озлобленныхъ двухъ самъ равнодушный сидитъ.

³⁷⁾ Блѣдныя тѣни покойниковъ бродятъ около подземныхъ водъ въ томъ видѣ, въ какомъ останки ихъ появились на кострѣ.

⁴²⁾ Для омовенія послѣ трудовъ.

⁵³⁾ Но и въ мирѣ, при помощи Вакха, не обходится безъ войны, если не Марса, то Венеры, причемъ вмѣсто исторгнутыхъ жизней и разрушенныхъ городовъ вырываются женскіе волосы и выбиваются ихъ двери.

Ахъ! тотъ камень и сталь, кто собственной милой
удары

60. Причиняетъ; съ небесъ свестъ онъ способенъ боговъ.
Было-бъ довольно порвать на тѣлѣ покровъ легко-
тканый,
Было-бъ довольно уборъ весь перепутать волосъ,
Было-бъ довольно до слезъ довести; но четырежды
счастливъ

Тотъ, чей заставить и гнѣвъ нѣжную дѣву рыдать, ⁶⁴⁾

65. Но кто дерзокъ рукой, пусть носить и щитъ онъ, и
колья,

И отъ кроткой уже будь онъ Венеры далекъ.

Къ намъ же ты, Миръ дорогой, приходи и неси намъ
колосевъ, ⁶⁷⁾

Пусть твой блестящій подолъ будетъ ронять намъ
плодовъ!

⁶⁴⁾ Тотъ, чей гнѣвъ, независимо отъ всякихъ насилій, уже заставляеть рыдать любимую женщину.

⁶⁵⁾ Кто такъ грубъ, тотъ пусть будетъ рядовымъ солдатомъ, обязаннымъ носить кромѣ оружія (представляемаго тутъ щитомъ) и колья для укрѣпленнаго лагеря.

⁶⁷⁾ Призывается олицетворенный миръ, съ хлѣбными колосьями въ рукахъ и съ избыткомъ плодовъ въ подолѣ одежды.

Періодъ второй.

3 (I, 1). Делія.

Вѣнокъ элегій.

Желтымъ золотомъ пусть себѣ собираетъ богатство
И распашныхъ десятинъ многихъ владѣетъ землей
Тотъ, кого близость врага пугаетъ трудомъ непре-
станнымъ ³⁾,

И воинской трубой чей разгоняется сонъ.

5. Пусть моя бѣдность меня провожаетъ по жизни без-
печной,

Лишь бы свѣтился очагъ мой непрерывнымъ огнемъ:
Самъ я нѣжныхъ лозъ насажу въ подходящее время ⁷⁾,
Какъ селянинъ, и большихъ яблонь привычной рукой,

3 (I, 1). Делія. Слѣдующія 5 элегій, тѣсно связанныхъ между собою, представляютъ прелестный поэтический вѣнокъ въ честь первой привязанности Тибулла, Деліи.

³⁾ Кто живетъ подъ непрестаннымъ страхомъ вражескаго наступленія, обещающаго ему много трудовъ и напасти.

⁷⁾ Эти два стиха 7 и 8 переведены нами потому, что стоятъ на этомъ мѣстѣ во всѣхъ изданіяхъ, но совершенно пропущены въ текстѣ Фабриціуса, котораго мы старались держаться въ нашемъ переводѣ. Всякій убѣдится, что они только мѣшаютъ теченію мысли и носятъ признаки разыгравшейся фантазіи переписчика.

- Пусть не обманетъ меня Надежда, а все мнѣ даруетъ
 Кучи плодовъ и густымъ мустомъ наполненный чанъ.
 Ибо почтенья я полонъ, коль пенъ одинокій средь поля ⁹⁾
10. Иль на распутѣ цвѣтнымъ камень украшенъ вѣнкомъ;
 И какихъ бы плодовъ мнѣ новый годъ ни доставилъ,
 Сельскому богу изъ нихъ на посвященье кладутъ.
 Русой Церерѣ привѣтъ! Тебѣ мы съ нашего поля
 Изъ колосьевъ вѣнокъ въ храмъ повѣсимъ къ дверямъ,
15. А плодовитыхъ садовъ пускай одаряется сторожъ
 Красный Пріалъ, чтобъ косою грозною птицъ онъ пугалъ.
 Наконецъ-то и мнѣ возможно, довольствуясь жизнью
 Небогатой, не все къ дальнимъ стремиться путямъ,
 Но избѣгать приближенія жаркихъ каникулъ подъ тѣнью
20. Деревъ у береговъ мимо бѣгущей воды.
 Между тѣмъ и кирку брать въ руки стыдиться не стану
 Или стрекаломъ скорѣй гнать неprovорныхъ воловъ,
 Не полѣнюсь и ягненка за пазухой или козленка,
 Что забывчиво мать бросила, къ дому снести.
25. Здѣсь я пастырь овецъ своихъ освящаю годично
 И молоко возліять мирной Палесѣ привыкъ ²⁶⁾.
 Вы же стражи когда-то богатаго, бѣднаго нынѣ ²⁷⁾
 Поля, примите и вы, Лары, подарки свои!

⁹⁾ Я стою награды сельскими произведеніями, ибо я самъ исполненъ почтенія къ сельскимъ богамъ, даже въ самыхъ незначительныхъ ихъ проявленіяхъ. Сельскіе жители приносили богамъ на перекресткахъ и распутіяхъ (*compitis ac triviis*) сельскія жертвы. Въ этомъ смыслѣ одинокій священный пенъ или камень на распутіи украшался вѣнкомъ.

²⁶⁾ *Палеса*—исключительно римская сельская богиня, покровительница пасущихся стадъ.

²⁷⁾ Поэтъ обзываетъ поле свое богатымъ при его отцѣ и предкахъ до раздѣленія полей 713 г. отъ о. Р. и бѣднымъ по раздѣленіи, вслѣдствіе котораго онъ утратилъ большую часть своего состоянія.

Прежде закланная телка несчетныхъ коровъ выкупала,

30. Нынѣ полей небольшихъ жертвой великой овца.

Мы вамъ приносимъ овцу, и вокругъ ея сельская
юность

Пусть восклицаетъ: «Намъ жатвѣ, добраго дайте вина!»

Помогите же боги! Не презирайте даровъ вы

Съ бѣдной трапезы, ни чаръ чистыхъ изъ глины одной.

35. Древній изъ глины себѣ лѣпилъ селянинъ поначалу

Кружки, изъ глины сырой онъ вырабатывалъ ихъ.

Не отыскиваю отцовскихъ богатствъ и плодовъ я

Тѣхъ, что жатва несла древнему дѣду въ лари;

Малому сѣву я радъ, я радъ, что покоиться можно

40. На кровати, лежа въ ту же постель отдохнуть.

Какъ отрадно лежать, внимая свирѣпостямъ вѣтра,

И на юной груди милую нѣжно держать!

Или какъ Австеръ зимой полетѣть холодною влагой ⁴³⁾,

Безопасно искать сновъ при пособьи дождя!

45. Этого мнѣ бы въ удѣлъ; пусть будетъ богатъ по за-
слугамъ,

Кто можетъ злобу морей вынести и скуку дождей.

О, сколько золота есть, да сгинетъ, да сгинуть сма-
рагды,

Прежде чѣмъ нашъ бы отъѣздъ дѣвѣ оплакать пришлось.

Кстати, Мессалла, тебѣ воевать на землѣ и на морѣ,

50. Чтобы доспѣхами былъ вражьими убранъ твой домъ.

Плѣннымъ держать меня оковы красавицы-дѣвы,

И сижу я какъ стражъ у неприступныхъ дверей.

Не ищу я похвалъ, моя Делія! лишь бы съ тобою

Былъ я, ничуть не боюсь вялымъ, лѣнивымъ прослыть.

³⁰⁾ Вслѣдствіе чего даже жертва овцы для него велика.

⁴⁰⁾ Не такъ, какъ воинъ, который не знаетъ, гдѣ будетъ ночевать.

⁴³⁾ Когда дождливый южный вѣтеръ нанесетъ холоду.

55. Лишь бы глядѣть на тебя, какъ часъ мой послѣдній
настанетъ,
И, умирая, къ тебѣ слабнущей жаться рукой.
Будешь ты, Делія! плакать, увидя мой одръ предъ
сожженьемъ,
Горькихъ прибавишь ты слезъ, мнѣ поцѣлуй даря.
Будешь ты плакать; вѣдь грудь у тебя же не твердымъ
желѣзомъ
60. Скована, въ сердцѣ твоємъ нѣжномъ не камень засѣлъ,
Юноша съ тѣхъ похоронъ тогда ни единый, ни двѣ
Глазъ сухихъ унести будетъ не въ силахъ домой.
Ты же тѣни моей не тревожь; а щади распущенный
Волосъ и пощади, Делія, нѣжность ланить⁶⁴⁾.
65. А покуда судьба дозволяетъ, любовь сочетаемъ.
Смерть ужъ навѣрно придетъ, мракомъ увивши чело.
Уже подкрадется вѣкъ, когда ни любить неприлично,
Ни съ головою сѣдой нѣжныя ласки твердить.
Нынѣ легкой Венерѣ служить подобаетъ, покуда
70. Двери не стыдно ломать, весело ссоры водить.
Тутъ хорошій я вождь и солдатъ; вы трубы, знамена
Прочь, вы раны свои жаднымъ несите мужамъ,
И богатства несите; я же, свой ворохъ собравши⁷³⁾,
Сверху на всѣхъ богачей, сверху на голодъ гляжу.

⁶⁴⁾ Вырываніе волосъ и царапаніе лица часто исполнялось при погребеніяхъ, а для наемныхъ плакальщицъ было даже обязательно.

⁷³⁾ *Acervo* — буквально ворохъ, такъ какъ, обмолоченный съ поля и насыпанный ворохомъ, хлѣбъ представляетъ единственное и самое непосредственное обезпеченіе земледѣльца.

4 (I, 3).

Безъ меня вы, Мессалла! эгейской волною пойдете,
 О еслибъ самъ ты и дворъ твой обо мнѣ вспомянулъ!
 Держить больного меня Феакія въ землѣ незнакомой³⁾.
 Жадныя руки свои, черная смерть, удержи!

5. Удержи ихъ, прошу, смерть мрачная! Матери нѣтъ здѣсь,
 Чтобъ сгорѣвшія ей кости въ одежду собрать,
 Нѣтъ и сестры, ассирійскихъ налить благовоній на
 пепель,

И предъ могилой моею плакать, власы распустя;
 Деліи нѣтъ, что когда изъ столицы меня отпускала,
 10. Мнѣ говорятъ, передъ тѣмъ всѣхъ вопрошала боговъ.
 Трижды она вынимала у мальчика жребій священный¹¹⁾
 И изъ трехъ подавалъ мальчикъ ей все по добру:
 Всѣ обѣщали возвратъ; но ничѣмъ съ нея страхъ и
 снимался,

4 (I, 3). Вопреки опредѣленно высказанному въ предыдущей элегій убѣжденію касательно личной ненависти къ войнѣ и совершеннаго нежеланія отправляться въ далекіе края въ качествѣ воина, именно въ то время, когда любовь къ дѣвушкѣ овладѣла душою поэта, Тибуллъ все-таки, уступая настойчивому желанію своего покровителя Мессаллы и иныхъ друзей, отправился въ восточный походъ, грустя по оставленной возлюбленной. Но на пути, сильно заболѣвъ, въ Корфу, онъ вынужденъ былъ тамъ остаться. Все это высказано въ настоящей элегій, которая ярко освѣщаетъ задушевную жизнь поэта.

³⁾ *Феакія*, *Сорсуга* (Корфу).

¹¹⁾ Жребіи судьбы были таблички, исписанныя загадочными изреченіями, положенныя въ урну; и гадающій, для большей вѣрности, самъ вынималъ таблички до трехъ разъ. Во время Тибулла гаданіе было въ Римѣ распространено, и мальчики съ подобными урнами сидѣли на перекресткахъ и у дверей храмовъ.

- Чтобъ безъ рыданій она путь нашъ могла отвергать¹⁴⁾.
 15. Самъ утѣшитель-то я, когда приказанья ужъ отдалъ,
 Все томясь до конца позднихъ препятствій искалъ.
 Или боялся я птицъ, или предвѣщаніемъ грознымъ
 День Сатурна святой выѣздъ задерживалъ мнѣ¹⁸⁾.
 О, какъ часто, совсѣмъ пускаясь въ путь, находилъ я
 20. Знакомъ печальнымъ, что я ногу зашибъ въ воротахъ!
 Пусть не дерзаетъ никто уходить противъ воли Амура,
 Или пусть знаетъ, что онъ богу идетъ вопреки.
 Что-жъ нынѣ, Делія, мнѣ отъ твоей Изиды за польза²³⁾,
 Или отъ мѣди, что ты столько рукою трясла²⁴⁾!
 25. Что въ томъ, если, служа божеству, ты моешься чисто
 И на чистое, врозь—помню я, ложе легла?
 Нынѣ, богиня! Ты мнѣ помоги, — что можешь лѣ-
 читъ ты

¹⁴⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ стояло: «*respiceret*», *озирать*, но Л. Мюллеромъ совершенно правильно поставлено «*respueret*», *отвергать*, такъ какъ Делія въ своемъ настроеніи не можетъ равнодушно разсматривать будущій путь Тибулла, а отвергаетъ его, не взирая на добрыя предзнаменованія.

¹⁸⁾ День, посвященный Сатурну (суббота), былъ назначенъ днемъ выѣзда.

²⁰⁾ Въ городскихъ воротахъ. Зашибить ногу въ началѣ пути считалось дурнымъ знакомъ.

²³⁾ Культъ египетской Изиды широко распространялся въ Римѣ, не взирая даже на полицейскія мѣры. Изида считалась исцѣлительницей недуговъ, и больной поэтъ спрашиваетъ Делію, почему ея Изида ему не помогаетъ.

²⁴⁾ Подъ *мѣдью* разумѣется здѣсь металлическій инструментъ, употреблявшійся при богослуженіи Изидѣ. Это была мѣдная пластинка, снабженная ручкой и окруженная подвижными мѣдными палочками, которыя при сотрясеніи извлекали изъ дощечки пріятные звуки. Потрясать подобнымъ систромъ значило служить Изидѣ.

²⁵⁾ Жертва Изидѣ требовала обычныхъ омовеній и тѣлесной чистоты въ продолженіе десяти дней (сличи 8, 11).

Много объ этомъ картинъ въ храмахъ вѣщаютъ тво-
ихъ, — ²⁸⁾

Чтобъ моя Делія въ тѣ, по обѣтамъ завѣтныя, ночи
30. Возсѣдала въ холстѣ передъ святыми дверьми
И, волоса распустя, тебя въ день дважды должна бы
Славить, замѣтна одна между фаросской толпой ³²⁾,
Мнѣ же да будетъ дано привѣтствовать отчихъ Пе-
натовъ

И ежемѣсячно жечь ладанъ предъ Ларомъ роднымъ.
35. Какъ жилось хорошо въ Сатурново царство, покуда
Дальнимъ повсюду путямъ не раскрывалась земля!
Не нисходила еще сосна на лазурныя волны ³⁷⁾
И, распустя паруса, не предавалась вѣтрамъ,
И бродящій пловецъ, ища въ земляхъ неизвѣстныхъ
40. Выгоды, не загружалъ чуждымъ товаромъ челна.
Въ тѣ времена еще воля могучій въ ярмо не впрягался,
И удиль не жевалъ ртомъ покорившимся конь.
Не было двери въ домахъ и не былъ поставленъ средь
поля

Камень, чтобы означать грань неизмѣнную нивъ.
45. Меду сами дубы давали и встрѣчныя овцы
Къ беззаботнымъ несли прямо сосцы съ молокомъ.

²⁸⁾ Про обычай вѣшать въ храмахъ боговъ избавителей картинки съ изображеніемъ самаго избавленія отъ кораблекрушенія, болѣзни и т. д. говоритъ и Горацій (Од. I, 5, 14):

«Доска возвѣщаетъ съ священной стѣны».

³⁰⁾ Въ холстѣ, какъ того требовалъ египетскій обрядъ, считавшій одежду изъ шерсти животныхъ нечистою, такъ что Ювеналь прямо говоритъ о жрецахъ и жрицахъ Изиды (Сат. 6, 533):

«Кто окруженный толпой въ холщевомъ и толпою плюшивой».

³²⁾ Толпу эту Тибуллъ, по египетскому острову Фаросу, близъ Александріи, прямо называетъ Фаросской.

³⁷⁾ Сосна какъ матеріаль корабля.

Ни преступлений, ни войнъ, ни гнѣва не знали; съ
искусствомъ

Немилосердымъ мечей злобный кузнецъ не ковалъ.

Нынѣ подъ властью Зевеса убійства и раны всечасно,

50. Нынѣ моря, нынѣ въ смерть тысяча быстрыхъ путей.

О, помилуй отецъ! Хоть боюсь я, мнѣ страшны не
клятвы

Лживыя и не хулы противъ священныхъ боговъ.⁵²⁾

Если-жъ урочные я успѣлъ уже годы исполнить,

Пусть на останкахъ моихъ надписью камень гласить:

55. «Здѣсь почиваетъ Тибулъ, свирѣпой похищенный
смертью,

Какъ за Мессаллою онъ шелъ по землѣ и морямъ».

Но какъ нѣжному я всегда былъ послушенъ Амуру,

То и въ Элизій меня лично Венера сведетъ.

Вѣчные тутъ хороводы и пѣсни и, всюду порхая,

60. Птицы изъ крошечныхъ горлъ нѣжнымъ напѣвомъ
звучать,

Дикое поле само приносить корицу, и нивы

Всѣ благосклонной земли въ розахъ душистыхъ цвѣтутъ;

Юношей сонмы притомъ съ дѣвицами нѣжными вмѣстѣ

Игры ведутъ, и всегда сѣетъ раздоры Амуръ.

65. Тамъ пребываетъ, кого влюбленнаго смерть похищаетъ

И замѣтны вѣнкомъ миртовымъ кудри его.

А преступныхъ обитель лежитъ, покрыта глубокимъ

Мракомъ ночи; вокругъ черныя рѣки шумятъ;

Тизифона власы—о ужасъ!—увивши змѣями⁶⁹⁾

70. Злыми, грозна, и бѣжить врозь нечестивцевъ толпа;

Тутъ змѣями, свои назадъ обратившими пасти,

⁵²⁾ Хоть я и боюсь смерти, но не въ качествѣ незаслуженнаго наказанія за лживыя клятвы и богохульства.

⁶⁹⁾ *Тизифона*, какъ *Фурія*, здѣсь представительница двухъ своихъ сестеръ *Алекто* и *Мегеры*.

Черный Церберъ, шипя, въ мѣдныхъ лежитъ воро-
тахъ. ⁷²⁾

Здѣсь, Юнону въ соблазнъ дерзнувшаго звать, Ик-
сіона ⁷³⁾

Члены преступные всѣ быстро вертитъ колесо,
75. И по землѣ распростертый на девяти десятинахъ
Титій утробой своей черной питаетъ тутъ птицъ. ⁷⁶⁾
Тамъ и Танталъ и вокругъ его озеро; но лишь сбе-
рется ⁷⁷⁾

Вотъ - вотъ пить онъ, волна жажды томящей бѣжитъ,
И Даная семья, оскорбившая святость Венеры, ⁷⁹⁾
80. Въ бочки пустыя во вѣкъ воду летейскую льетъ.
Пусть тамъ будутъ всѣ тѣ, что любви моей помѣшали
И пожелали, чтобъ я долго служилъ на войнѣ,
Ты - жъ оставайся вѣрна, я прошу, и стыдливости
чистой

Стражемъ пускай при тебѣ вѣчно старуха сидитъ.
85. Сказки тебѣ пусть она говоритъ и, придвинувъ лампаду,
Изъ намыки большой долгія нити прядетъ,
А близъ нея служанка, засѣвъ за тяжелымъ урокомъ,
Сномъ понемногу томясь, дѣло упуститъ свое.

⁷²⁾ Крѣпкія и мѣдныя ворота ада вдобавокъ охраняетъ Церберъ, чтобы нечестивые не могли убѣжать.

⁷³⁾ Первымъ является на колесѣ пытки Иксіонъ, дерзнувшій обнять Юнону.

⁷⁶⁾ Затѣмъ Титій, наказуемый за такую же дерзость противъ Латоны. (Горац. III, Од. 4, 77):

*«И печень Титія наврядъ
Оставятъ коршуны въ покоѣ».*

(См. Одис. Жук. XI, 576).

⁷⁷⁾ Одис. Жук. XI, 582.

⁷⁹⁾ Пятьдесятъ Данаидъ, убившихъ въ первую ночь, по приказанію отца своего, египетскаго царя Бела, своихъ жениховъ и осужденныхъ въ Тартаръ наливать бездонную бочку.

Тутъ появился-бъ я вдругъ, чтобъ никто не доклады-
валъ прежде,

90. А показалось бы, что съ неба я посланъ тебѣ.

Тутъ ты, какой ни на есть, въ волосахъ безпорядочно
длинныхъ,

Мнѣ навстрѣчу бѣги, Делія!—хоть босикомъ.

Этого только прошу, чтобъ день этотъ свѣтлый Аврора,
Возсіявъ, принесла намъ на румяныхъ коняхъ.

5 (I, 5).

Былъ я упоренъ, твердя, что разлуку снесу я отлично,
Но отъ меня хвастовство силой теперь далеко.

Ибо теперь я мятусь какъ кубарь, что по гладкому
мѣсту

Мальчикъ проворный кнутомъ кружить привычной
рукой.

5 (I, 5). Выздоровѣвъ, наконецъ, поэтъ съ Корфу вернулся въ Римъ и къ ужасу увидалъ, что Делія отдалась другому богатому (ст. 47). Онъ узналъ также, что старуха (быть-можетъ, упоминаемая 4, 84), которую онъ тотчасъ обзываетъ *сводней*, была въ этомъ дѣлѣ посредницей. Такимъ образомъ, пока въ предыдущемъ стихотвореніи (4, 83) поэтъ желалъ, чтобы его Делія оставалась *чистой*, произошло противоположное, на что и указываетъ дальнѣйшій ходъ элегии. Волненіе и внутренняя борьба ярко выставлены поэтомъ. Сначала онъ хотѣлъ отказаться отъ любви къ недостойной женщинѣ, но вскорѣ убѣдился въ своемъ безсиліи. Вмѣсто того, чтобы оставить Делію, онъ проситъ, чтобы она его пощадила во имя прежней любви, рисуешь ей картины счастья, возникавшія въ душѣ его въ Корфу, картины, въ которыхъ главнымъ лицомъ была она и, становясь полною хозяйкой его сельскаго быта, принимала даже высокаго покровителя Мессаллу; затѣмъ онъ проклиняетъ старуху, виновницу всего несчастія, старается убѣдить Делію, что любовь небогатаго человѣка гораздо благонадежнѣе, а самому богачу предвѣщаетъ участь, подобную той, которую самъ испытываетъ.

5. Жги же и мучь дикаря, чтобъ впередъ не дерзалъ такъ
надменно

Онъ говорить; укроти дерзкія эти слова.

Все-жъ пощади, умоляю, союзомъ таинственнымъ ложа
И Венеры самой и сочетаніемъ устъ.

Я вѣдь, какъ сражена ты печальной болѣзною лежала,

10. Такъ говорятъ, тебя спасъ силой обѣтовъ моихъ, ¹¹⁾

Самъ я тебя обходилъ, освящая чистѣйшею сѣрой,

Какъ изъ магическихъ словъ пѣла старуха мнѣ пѣснь;

Самъ я старался, чтобъ сны не могли тебя страшные
мучить,

Ихъ троекратно мукой только святой отведешь; ¹⁴⁾

15. Самъ я, накрывшись платкомъ и распустивши тунику,

Девять безмолвныхъ ночей Тривію жарко молилъ.

Все я исполнилъ; и вотъ другому любовь достается

И, моею мольбой счастливъ, онъ все получилъ

Я же счастливымъ прожить, когда бы ты стала здо-
ровой,

5) Поэтъ признаетъ свою заносчивость дикой и проситъ Делію, чтобы она предала его, какъ преступнаго раба, пыткамъ раскаленнымъ желѣзомъ.

11) Самъ я ходилъ вокругъ твоего ложа, окуривая больную сѣрой, въ то время, какъ знахарка пѣла магическія пѣсни.

14) *Мукá*, освященная весталками, употреблялась съ примѣсью соли при жертвоприношеніяхъ.

15) Кромѣ того, самъ поэтъ въ теченіе девяти ночей молился Гекатѣ (Тривіи), трехглавой богинѣ (съ головою коня, собаки и свиньи), представлявшей волшебную власть луны на небѣ, Діаны на землѣ и Прозерпины въ подземномъ царствѣ; такъ какъ болѣзнь могла быть слѣдствіемъ колдовства, а служеніе Гекатѣ близко граничитъ съ чародѣйствомъ, то понятны и извѣстныя условія, съ которыми эта служба отправляется. Нужно было предстать съ покрытой головой и безъ пояса. Такъ наши крестьянки, при ночномъ опахиваніи деревни отъ скотскаго падежа, обязательно должны являться безъ поясовъ, чтобы смерть не могла задержаться за пазухой.

20. Чаялъ въ безумствѣ своемъ и вопреки божеству.
 «Стану работать въ поляхъ, пусть Делія смотреть за
 сборомъ,
 Какъ на току въ самый зной жатву начнутъ молотить,
 Иль бережетъ для меня въ сосудахъ наполненныхъ
 грозды,
 Или подъ быстрой ногой выжатый съ пѣною мустъ,
25. Скоть попривыкнетъ считать, привыкнетъ и мальчикъ
 болтливый,
 Сынъ раба, на груди милой играть госпожи.
 Богу полей за плоды приносить она гроздя сумѣетъ,
 И колосевъ за хлѣбъ и угощенье за скоть ²⁸⁾.
 Пусть всѣмъ править она, и на ней вся ляжетъ забота,
 30. Чтобъ я отраду нашель быть въ цѣломъ домѣ ничѣмъ.
 Мой Мессалла туда придетъ, и Делія яблокъ
 Сладкихъ ему посорветъ съ самыхъ отборныхъ деревь;
 И почтивши такого мужа, въ усердной заботѣ ³³⁾
 Приготовить и яствъ и принесетъ ихъ сама».
35. Такъ я себѣ представлялъ, но Эвръ и Ноть всѣ
 мечтанья
 По благовоннымъ теперь носятъ ассирскимъ полямъ.
 Часто пробовалъ я виномъ разсѣять заботы,
 Только въ слезы мнѣ грусть все превращала вино.
 Часто другую обнявъ, я ждалъ ужъ минуты восторга,
 40. Только о милой шепнувъ, тотчасъ Венера бѣжитъ.
 Тутъ уходящая дѣва твердила, что я околдованъ ⁴¹⁾

²⁵⁾ Рабы, рожденные въ домъ хозяина, пользовались особеннымъ снисхожденіемъ, и ребенокъ раба такъ привыкнетъ къ ласкамъ госпожи, что будетъ играть на ея колѣняхъ.

²⁸⁾ *Угощенье* въ смыслѣ обильнаго жертвоприношенія въ праздникъ.

³³⁾ *Такого*—знатнаго.

³⁵⁾ *Эвръ*—юго-восточный и *Ноть*—южный вѣтры.

⁴¹⁾ Изумленная дѣва считаетъ Делію колдуньей и знахаркой.

- И что моя то—о стыдъ! знаетъ, что страшно сказать.
 Но не словами она, глазами и нѣгой объятій,
 Цвѣтомъ кудрей золотыхъ дѣва чаруетъ меня;
 45. Точно такой Нереида къ Гемонскому древле Пелею
 Голубая, взнуздавъ рыбу, Оетида плыла.
 Но погубило меня, что тутъ богатый любовникъ
 И на погибель мою хитрая сводня вплелись ⁴⁸⁾.
 Пусть кровавую ѣсть она пищу и гнусные кубки
 50. Съ примѣсью желчи большой пьетъ окровавленнымъ
 ртомъ;
 Вкругъ ея носятся пусть души усопшихъ, на жребій
 Жалуюсь вѣчно, и съ крышъ грозная ноетъ сова;
 Пусть сама, подстрекаема голодомъ, въ ярости ищетъ
 Травъ средь могилъ и костей, брошенныхъ стаей
 волковъ.
 55. По городамъ пусть она обнажаяся носится съ воємъ;
 Изъ-за угловъ пусть за ней гонится стая собакъ.
 Сбудется; знакъ подалъ богъ; есть вышній покровъ
 надъ влюбленнымъ,
 За нарушение правъ грозно Венера казнить.
 Ты же скорѣ забудь наставленья хищной колдуньи;
 60. Ибо подарки всегда властны любовь побѣдить.

⁴⁵⁾ Прелестная дочь Нерее (морскія божества часто по цвѣту моря называются саегулі—*голубыми*) Оетида плыла навстрѣчу своему жениху, гемонскому (еессалійскому) Пелею.

⁴⁸⁾ Влюбленный Тибуллъ не желаетъ прямо обвинять Делію и утверждаетъ, что не она причиной несчастья, а богатство ея любовника съ одной стороны, а съ другой—страшная старуха-колдунья, которую онъ вслѣдъ за тѣмъ и осыпаетъ проклятіями. Последнее, конечно, поэтическое преувеличеніе.

⁶⁰⁾ *Ибо* не имѣло бы здѣсь никакого смысла въ связи съ предыдущимъ стихомъ, если бы поэтъ не обращался къ Деліи съ увѣренностью, что она измѣняетъ ему поневолѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ: «отстань отъ корыстной колдуньи и отъ собственнаго ко-

- Бѣдный будетъ всегда предъ тобой налицо, и всегда
онъ ⁶¹⁾
- Первый придетъ и къ тебѣ нѣжной все будетъ онъ
льнуть,
- Бѣдный въ тѣсной толпѣ, тебѣ провожатый надежный,
Подъ руку схватить тебя или расчистить твой путь,
65. Бѣдный подобранную опуститъ украдкой накидку,
И съ бѣлоснѣжной ноги сниметъ сандалию самъ.
Горе! Напрасно пою, не вскроется, слушаясь слова,
Дверь, а стучаться въ нее полною нужно рукой ⁶⁸⁾.
Ты же, счастливецъ теперь, моей ты судьбы берегися;
70. Быстро вращаетъ судьбу бѣгъ круговой колеса.
Не напрасно теперь на порогъ стоитъ ужъ какой-то
Постоянно, кругомъ взглянетъ и снова уйдетъ.
И какъ будто идетъ мимо дома, но вдругъ повернется
Въ одиночку и тутъ кашлянетъ въ самыхъ дверяхъ.
75. Я не знаю, что тайно готовить любовь. Если можно
Наслаждайся; пока челнъ твой на ясной водѣ ⁷⁶⁾.

6 (I, 2).

Больше вина подмѣшай и смири ты новое горе ¹⁾,
рыстолюбія, ибо пока ты не порвала съ ними связь, твоей любви
не устоять противъ денегъ».

⁶¹⁾ Въ противоположность самонадѣянному богачу.

⁶⁸⁾ Рукою полною денегъ.

⁷⁶⁾ Поговорка въ смыслѣ: «пока хорошо живется».

6 (I, 2). Судя по концу предшествующаго стихотворенія, можно бы ожидать, что новый тайный любовникъ оттѣснить въ свою очередь богача, но вышло противное. Богачъ женился на Деліи и въ скоромъ времени, отправясь за новыми богатствами на войну, окружилъ Делію надежною стражей. Настоящая элегія, подобно предыдущей, исполнена страсти и ясно показываетъ неустанное колебаніе все еще влюбленнаго поэта.

¹⁾ *Подмѣшай* обращено не къ прислужнику, а къ самому себѣ.

- Чтобы усталого сонъ, очи смеживъ, побѣдилъ.
 Пусть не разбудить никто оросившаго голову сильно
 Вакхомъ, пока отдыхать будетъ отъ бѣдствій любовь.
5. Ибо къ дѣвѣ моей приставлена строгая стража,
 И возбраненную дверь злой запираетъ замокъ.
 Ты; неприступная дверь, пускай сѣчетъ тебя ливень,
 И изъ Зевесовыхъ рукъ молніи павши разятъ!
 Дверь, ты ужъ мнѣ одному отворяйся, склонясь на
 моленья,
10. И при отворѣ тайкомъ, въ петляхъ вертись, не звучи!
 И если дурно сказалъ я что въ состояннѣ безумства,
 Ты прости; да падетъ это на голову мнѣ!
 Слѣдуетъ помнить тебѣ, какъ много твердилъ я мо-
 лящимъ
 Голосомъ, какъ изъ цвѣтовъ къ притолкамъ несъ я
 вѣнковъ ¹⁴⁾,
15. Ты между тѣмъ обмануть не бойся, Делія! стражу.
 Надо дерзать; храбрецамъ въ помощь Венера сама.
 Любо ей, ежели юношу новый порогъ привлекаетъ,
 Иль отверзаетъ ключомъ вложеннымъ дѣвушка дверь.
 Учить украдкой она подыматься съ мягкаго ложа,
20. Учить и ногу она ставить ничуть не шумя,
 Учить при мужѣ она прибѣгать къ выразительнымъ
 взглядамъ,
 Нѣжныя рѣчи свои въ знакахъ условныхъ скрывать.
 Учить, однако, не всѣхъ, а тѣхъ, кто лѣнью не связанъ,
 Коимъ и въ темную ночь страхъ не мѣшаетъ вставать.
25. Не дозволяетъ она набѣжать какому, чтобъ тѣло

¹⁴⁾ Увѣшивать притолоки друзей и возлюбленныхъ цвѣтами было въ обычаѣ.

²⁵⁾ Въ числѣ прочихъ покровительствъ, оказываемыхъ Венерою своимъ избраннымъ, во всѣхъ изданіяхъ въ этомъ мѣстѣ слѣдуютъ стихи:

Ранить мечомъ, иль, схвативъ за полу, денегъ искать.
 Кто во власти любви, ступай куда пожелаетъ
 Безопасенъ и святъ и не страшися засадъ.
 Не вредна мнѣ зимой цѣпнящая стужа ночная,
 30. Мнѣ не вредно, когда ливнемъ свергается дождь.
 Этотъ мнѣ трудъ ни по чемъ, лишь бы Делія дверь
 отомкнула
 И безмолвно меня, пальцемъ щелкнувъ, позвала ³²⁾.
 Вы берегитесь глядѣть, мужчина иль женщина,
 встрѣтись
 Тутъ же; Венера таить любить продѣлки свои.

*«Вотъ какъ я въ темнотѣ по городу шляюсь со страхомъ,
 Минь Венера сама шлетъ безопасность впотьмахъ».*

но въ текстѣ Фабриціуса, которому мы слѣдовали, они справедливо исключены, какъ нарушающіе теченіе рѣчи.

³²⁾ Хотя *ad digiti sonum* Биндеръ и переводитъ: «молчкомъ позови меня, когда я постучусь пальцемъ» и Фабриціусъ одобряетъ такое пониманіе настоящаго стиха, мы рѣшили перевести его въ обратномъ смыслѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: никто не стучится въ дверь однимъ пальцемъ, тѣмъ менѣе можно безмолвно звать голосомъ. Если же мы обдумаемъ взаимное положеніе влюбленныхъ, то объясненіе Биндера явится еще болѣе невѣроятнымъ. Влюбленные римляне, какъ извѣстно, проводили ночи на улицѣ у дверей своихъ возлюбленныхъ. Слѣдовательно, женщина всегда знала, что влюбленный у нея тутъ же за дверью, и если лежитъ (Горац. III, Од. 10, 19:

«А вѣчнаго дождя здѣсь на порогъ лежа,
 Не вытерпятъ бока»).

то при малѣйшемъ знакѣ встанетъ, чтобы войти; и ей только стоить выбрать минуту, когда строгій карауль ослабнетъ.

Знакъ этотъ можетъ быть поданъ какъ бы случайнымъ щелчкомъ. Тогда какъ находящійся и безъ того за дверью влюбленный, не знающій минутнаго состоянія стражи, можетъ безвременнымъ стукомъ только переполошить весь домъ, что, при тогдашнемъ невѣжливомъ обращеніи съ любовниками, для послѣдняго не могло быть желательно.

Даже себѣ, хотѣ бы самъ въ мягкой постели засталъ.
Но отъ другихъ удержиись: потому что онъ все
остальное ⁵⁷⁾)

- Видить, и лишь объ одномъ онъ обо мнѣ не смекнетъ.
Вѣрить чему мнѣ? Она же сказала, что можетъ избавить
60. Также меня отъ любви пѣньемъ иль зельемъ какимъ,
И лучиной меня освѣтила, и ясною ночью
Въ жертву волшебнымъ богамъ черная пала овца.
Я умолялъ, чтобъ любовь не совсѣмъ исчезла, а стала
Лишь взаимной; забыть я не хотѣлъ бы тебя.
65. Тотъ желѣзный, кто бывъ тобой обладать въ состояньи,
Могъ, глупецъ, предпочесть дальній походъ для добычъ,
Пусть киликійцевъ толпы предъ собой побѣжденныхъ
онъ гонить,
Пусть на отбитой землѣ ставить воинственный станъ,
И расшить серебромъ и золотомъ весь возсѣдаетъ
70. Онъ на быстромъ конѣ, на заглядѣніе всѣмъ;
Самъ воловъ, лишь со мной была бѣ моя Деція, могъ бы
Я запрягать, или скотъ пастъ на пустынной горѣ.
И если бѣ могъ я тебя удерживать въ нѣжныхъ
объятыхъ,
Было бы мягко мнѣ спать и на корявой землѣ.
75. Что за радость лежать безъ любви на тирской постели,
Если безсонная ночь только рыданій несетъ?
Ибо ни пухъ тогда, ни одѣяла цвѣтныя
Сна не приносятъ, ни плескъ мирно болтливой воды.
Не оскорбилъ ли въ рѣчахъ я святость великой Венеры,
80. И искупаетъ вину мой злочестивый языкъ?
Иль говорятъ, что входилъ я въ жилище боговъ осквер-
ненный,
И со святыхъ алтарей словно срывалъ я вѣнки?

⁵⁷⁾ Отъ другихъ любовниковъ; такъ какъ сила заклинаній простирается на одного Тибулла.

Ежели я виновать, не смущусь простираться во хра-
махъ

И, склонясь, лобзать ихъ освященный порогъ,

85. Не смущусь по землѣ на колѣнахъ ползать смиренно

И священную дверь бѣдной толкать головой.

Ты же, который бѣдѣ моей смѣешься, самъ бойся;

Скоро съ грозой на тебя строгій накинется богъ.

Видывалъ я, какъ тотъ, кто смѣялся надъ страстью
несчастной

90. Юношей, старцемъ склонялъ шею Венерѣ въ ярмо,

И любезности самъ сочинялъ дребезжащею рѣчью

И пригладить рукой тщился сѣдины волосъ;

Не стыдился стоять передъ дверью возлюбленной дѣвы

И служанку ея на площади замедлять.

95. Мальчики тутъ и толпа обступить его молодежи,

И за широкую всякъ пазуху плюетъ свою ⁹⁶⁾.

Но меня пощади ты, Венера! Тебѣ вѣдѣ служилъ я

Преданно. Что жъ тебѣ жечь въ строгости жатву
свою? ⁹⁸⁾

7 (1, 6).

Вѣчно, чтобъ обмануть, ты ликъ мнѣ являешь любезный,

Послѣ же грустенъ и гордъ ты предъ несчастнымъ,

Амуръ.

⁹⁶⁾ Заплевываніе было въ древности употребительнымъ средствомъ предохранить себя отъ несчастій, убытковъ, заразы и т. д. (смотри тутъ же ст. 54). Понятно, что мальчики, считая влюбленнаго старика испорченнымъ, плюютъ себѣ за широкую пазуху, образуемую туникой сверхъ пояса.

⁹⁸⁾ Ты же посѣяла во мнѣ сѣмена любви, поэтому, истребляя меня, ты бы сожигала собственную жатву.

7 (1, 6). То, о чемъ поэтъ молилъ въ концѣ предыдущей элегіи, совершилось. Венера оказала къ нему милость. Онъ снова получилъ

Что же тебѣ я дался, злой мальчикъ? Большая ли слава
Въ томъ, что настроилъ засадъ мнѣ человѣку ты богъ?

5. Уже разставлены мнѣ сѣти; ужъ Делія хитро
Грѣть не знаю кого въ тайномъ безмолвьи nocturno.
Хоть и клянется она въ противномъ, но трудно
повѣрить;

Также предъ мужемъ она все отрицаетъ меня.

Самъ я несчастный училъ, какъ ей обманывать стражей;

10. Ахъ! теперь на меня пало искусство мое;
Я подсказалъ ей причины, зачѣмъ ей спать въ одиночку,
А потомъ, какъ вращать дверь на беззвучныхъ петляхъ;
Соковъ изъ травъ я ей далъ, отъ которыхъ сходили бы
пятна,

Что взаимная страсть стиснутымъ зубомъ кладетъ.

15. Ты же, недальновидный супругъ обманщицы дѣвы!
Ты берегись, чтобъ она не погрѣшала ничѣмъ.
Бойся, какъ только она уходитъ, иль скажетъ, что къ
жертвѣ

Доброй богинѣ идетъ, столь недоступной мужьямъ. ¹⁸⁾

.
.

доступъ къ своей возлюбленной и пріобрѣлъ довѣріе ея супруга. Но едва онъ этого добился, какъ возникли новыя для него мученія и въ особенности ревность. Онъ вынужденъ былъ сознаться, что женщина, оказавшая снова свою благосклонность прежнему любовнику и получившая отъ него же самого всевозможныя наставленія, какъ ей обманывать мужа, можетъ точно такъ же, какъ къ нему, обратиться съ любовью къ другому и къ третьему. Онъ пламенно желаетъ, чтобы этого не случилось; но это постоянно его мучаетъ. И объ этомъ мученіи онъ говоритъ, что Амуръ возложилъ на него это мученіе по своему злорадству.

¹⁸⁾ *Добрая богиня*, также *Мая*, *Фатуа*, совершенно одного и того же значенія съ *Фавной*, высоко почиталась женщинами во всей *Италіи*, какъ богиня роста, плодородія и достоинства. На ея праздне-

Ты берегись, чтобъ она съ молодежью не много бол-
тала,

20. Пазуху тожъ распустя, грудь не лежала бъ раскрывъ,
Чтобы, кивнувши, тебя не морочила, чтобы напитка ²¹⁾
Пальцемъ она не вела, знаки чертя на столъ.
Часто, когда я хвалилъ ея камень цвѣтной, иль
печатку,

- Помню предлогъ это былъ мнѣ прикоснуться къ рукѣ;
25. Часто виномъ на тебя я сонъ наводилъ, самъ же кубки
Трезвые пилъ я, воды тайно подливъ съ торжествомъ.
Не нарочно тебя оскорблялъ я; прости за признанья.
Такъ Амуръ повелѣлъ; кто жъ на боговъ возстаетъ?
Я тотъ самый, — теперь не стыжусь я высказать
правду, —

30. На кого пробрехалъ песъ твой цѣлую ночь.
Что тебѣ въ нѣжной супругѣ? Когда своего не умѣешь
Ты добра охранять, тщетно замокъ на дверяхъ.
Жметя къ тебѣ, а сама о заочномъ другѣ вздыхаетъ,
И притворяется вдругъ, будто болить голова.

ствахъ (1 мая) и торжественныхъ, ночныхъ жертвоприношеніяхъ (въ началѣ декабря) все мужское устранилось, и завѣшивались даже изображенія мужчинъ или мужскихъ животныхъ; она считалась первообразомъ непорочной хозяйки и плодороднаго и строго нравственнаго брака.

Но уже во времена Цицерона въ Римѣ все болѣе врывалась безнравственность и въ это торжество, чему пресловутый Клодій служить доказательствомъ, и о чемъ быть-можетъ преувеличенно рассказываетъ Ювеналь въ своихъ сатирахъ (II, 83 и VI, 314).

Здѣсь очевидно недостаетъ двухъ, а быть-можетъ и болѣе стиховъ, и толкователями давно замѣчено, что слѣдующіе за тѣмъ стихи относятся къ поведенію молодой женщины за пиршествомъ.

²⁰⁾ Чтобы она, распустя поясъ, не распускала пазухи туники

²¹⁾ Не обманывала тебя, кивнувши кому слѣдуетъ, не чертила на столъ, какъ бы въ разсѣянности, виномъ понятныхъ кому слѣдуетъ знаковъ или буквъ.

35. Ты довѣрь мнѣ ее для охраны; я грозныхъ ударовъ
 Не отклоню, подчинюсь даже ножнымъ кандаламъ.
 Но если ввѣришь ты мнѣ, одинъ къ алтарю съ ней
 пойду я ³⁷⁾;
 Тутъ не боюсь, что глаза могутъ мои просмотрѣть.
 Не подходите вы тутъ, кто волосы холить искусно,
 40. И у кого распустясь падаетъ тога съ груди;
 Если и встрѣтится кто, то, чтобъ не быть въ подо-
 зрѣннѣ,
 Пусть обождетъ онъ вдали, иль въ переулокъ вер-
 нетъ ⁴²⁾.
 Такъ самъ богъ повелѣлъ, и такъ великая жрица
 Возвѣстила своей пѣснью пророческой мнѣ.
 45. Эта, когда вдохновится наитьемъ Беллоны, въ без-
 умствѣ

³⁵⁾ Я готовъ исполнять обязанность твоего стража, даже подчиняясь всѣмъ условіямъ раба, который при вспышкѣ господина подвергается ударамъ и кандаламъ.

³⁷⁾ Въ переводѣ мы слѣдовали порядку стиховъ, принятому Фабриціусомъ, такъ какъ въ прежнихъ изданіяхъ ст. 19 непосредственно слѣдуетъ за 16-мъ, а 17-й и 18-й стоятъ вслѣдъ за 20-мъ.

⁴⁰⁾ Я буду смотрѣть во всѣ глаза, чтобы не подвертывались щеголи, искусно причесавшіе волосы или живописно разобравшіе складки одежды.

⁴²⁾ Стихъ совершенно испорченный переписчиками былъ почти одинаково исправленъ Бюхелеромъ, Л. Миллеромъ и Бэренсомъ, согласно поправкѣ котораго и переведенъ нами по тексту Фабриціуса.

⁴⁵⁾ *Наитьемъ Беллоны.*—Это, какъ уже Преллеръ и другіе доказали, не древне-римская богиня войны, а главнымъ образомъ перенесенная Суллою въ Римъ азіатская богиня собственно луны и природы.

Поэтому ее преимущественно упоминаютъ поэты времени Августа, напр. Виргилій и Горацій, а позднѣе и писатели христіанской церкви, здѣсь же нашъ Тибуллъ изображаетъ ея верховную жрицу, какъ она въ порывѣ священнаго безумія не боится ни огня, ни ударовъ бича, себѣ собою наносимыхъ; она, разсѣкая даже двойною сѣкирою

Словно прибита къ дверямъ меня въ ночь она ждетъ
и далеко,

Уже по звуку шаговъ, что я иду узнаеть.

Долго живи ты, старушка отрадная! Будь лишь воз-
можно,

Я изъ своихъ бы годовъ радъ подѣлиться съ тобой.

65. Вѣчно тебя и твое порожденье любить за тебя я

Буду: что ни твори, кровь она все же твоя.

Чистою быть ей внушай, хотя бы волосъ не сби-
рала ⁶⁷⁾

Подъ повязкой, сама въ стѣлѣ спущенной до пять.

И для меня пусть законъ будетъ строгъ, и если
другую

70. Я похвалю, то она вцѣпится пусть мнѣ въ глаза,

И если буду въ грѣхѣ заподозрѣнъ, на улицу тащить
За волоса пусть меня и по землѣ волочетъ.

Я бъ тебя бить не хотѣлъ, но если бъ безумство такое
И подошло, я бы рукъ вовсе желалъ не имѣть.

75. Чистою будь не изъ страха, а чувства вѣрности ради;
Будь и вдали мнѣ твоимъ стражемъ взаимность
любви.

Та же, что никому не бывала вѣрной подъ старость,
Нить крутую, въ нуждѣ, тянетъ дрожащей рукой,
Къ грубой ткани съ найма надставляетъ основу
другую,

⁶⁷⁾ *Чистою* здѣсь можетъ означать только воздержаніе отъ всякихъ связей, помимо супруга и давнишняго друга Катулла. Римскія матроны носили волосы подъ покрываломъ, завязаннымъ повязкою (*vitta matronalis*), а широкая туника, спускавшаяся до пять, называлась столою. Такое одѣяніе было исключительнымъ правомъ матронъ въ отличіе отъ либертинъ. Тибуллъ проситъ старуху внушать Деліи хранить чистоту внутреннюю, хотя бы она и не сохраняла наружнаго вида почтенной матроны.

80. И бѣлоснѣжную шерсть чистить зубцомъ отъ комковъ.
Юношей смотрять толпы на нее въ веселіи духа,
И говорятъ: подѣломъ старой за все ея зло;
Смотрить на слезы ея Венера съ вершины Олимпа
И упреждаетъ, какъ зло мститъ за невѣрность она.
85. Эти проклятiя пусть на другихъ упадутъ. Мы съ тобою,
Делiя! и въ сѣдинахъ станемъ примѣромъ любви.
-

⁸⁰⁾ Старуха, по невѣрности своей не пріобрѣтшая ни въ комъ прочной опоры, вынуждена подъ старость зарабатывать свой хлѣбъ дешевою пряжей и тканьемъ.

Періодъ третій.

8 (II, 1). Немезида.

Вѣнокъ элегій.

Всякъ предстоящій молчи! плоды и поля освящаемъ ¹⁾

8 (II, 1). Немезида. Слѣдующія пять элегій снова представляютъ цѣлое; это послѣднее значительное произведеніе Тибулла и частію сохранившееся только въ первыхъ наброскахъ съ нѣкоторыми дальнѣйшими подробностями, вставленными переписчиками или же и первыми собирателями въ текстъ, какъ имъ вздумалось. Въ нашемъ переводѣ эти вставки, согласно тексту Фабриціуса, стоятъ отдѣльно въ концѣ каждой элегіи съ указаніемъ мѣстъ, въ которыя онѣ до сихъ поръ вставлялись. *Группе* и *Тейфель* убѣдились въ томъ, что предлагающія стихотворенія, не достигнувшія той окончательной отдѣлки, которою такъ отличались древніе поэты, представляютъ лишь первоначальные наброски. *Первая* элегія въ видѣ вступленія вводитъ насъ въ сельскую жизнь; *вторая* противопоставляетъ этимъ идиллическимъ сценамъ рабство поэта и городскую наклонность къ роскоши его возлюбленной; Тибуллъ вообще любитъ противоположности, появляющіяся вмѣсто ожидаемаго по вступленію. *Третья* элегія представляетъ элегическое средоточіе: она старается прикрыть трогательное горе прелестью легкой шутки. *Четвертая* элегія, вводя новое содержаніе, представляетъ вдохновенію поэта возможность развернуться во всю силу и, отвлекая вниманіе отъ любовнаго похождения, замедляетъ его развязку. Въ *пятой* элегіи все разрѣшается. Если, такимъ образомъ, поэтический размахъ достигаетъ въ четвертой элегіи высочайшаго напряженія, то въ пятой проявляется большее спокойствіе. Въ этомъ элегическомъ вѣнкѣ поэтъ старался единовременно увѣковѣчить имена лучшихъ своихъ друзей: Мессаллы, Корнута, молодого Мессаллина, Мацера и еще одного, въ 3-й элег., оставшагося за неоконченностію, вслѣдствіе внезапной смерти поэта, неизвѣстнымъ.

¹⁾ Поэтъ, въ качествѣ домохозяина и землевладѣльца, празднуетъ

Мы, какъ обычай велить, прадѣдомъ древнимъ введенъ.
Вакхъ! приходи и съ твоихъ роговъ пусть сладостный
виснетъ ³⁾

Гроздь, ты, Церера, вѣнчай прядью колосьевъ виски!

5. Въ святъ день пусть отдохнетъ земля, отдохнетъ и
оратай,

И, приподнявъ лемехи, тяжкій покоится трудъ ⁶⁾.

Выньте занозы изъ ярмъ; теперь у наполненныхъ ясель

И съ головами въ вѣнкахъ стать подобаетъ воламъ.

Богу всѣ наши дѣла, пускай ни одна не дерзаетъ

10. Пряжа къ кудели своей нынѣ руки прилагать.

Также и вамъ я велю отойти, алтарей не касаться,

Кои́мъ въ минувшей ночи данъ былъ Венеры восторгъ.

Чистое мило богамъ; въ одеждѣ чистой идите,

И почерпайте рукой чистой воды изъ ключа.

15. Посмотрите, какъ агнецъ идетъ къ алтарямъ воз-
сѣявшимъ,

Слѣдомъ съ оливой въ кудряхъ, въ бѣлыхъ одеждахъ
толпа.

Отчѣе боги! поля и сельскій мы людъ очищаемъ;

Вы же гоните все зло сами отъ нашихъ границъ,

Амбарвалии — праздникъ освященія полей, преимущественно въ концѣ апрѣля. Праздникъ состоялъ въ торжественномъ обходѣ полей, чтобы освятить ихъ (*lustrare*) и чтобы боги полей охранили жатвы, скотину и рабочихъ отъ всякаго зла. Жертву въ видѣ теленка, ягненка и поросенка, или только одного изъ этихъ животныхъ, передъ закланіемъ трижды обводили вокругъ плодоносныхъ полей. Поэтъ, въ качествѣ жреца, начинаетъ обрядъ обычнымъ призывомъ предстоящихъ къ молчанію.

³⁾ Вакхъ, въ качествѣ бога плодородія, нерѣдко изображался съ небольшими рогами.

⁶⁾ *Приподнявъ лемехи*. Гораци. I. Эпод. 1, 63:

«И видѣть, какъ волы, понурясь, тащатъ плугъ,
Вверхъ обороченный зубцами».

- Чтобы посѣвъ не сгубилъ облыжными травами жатву ¹⁹⁾,
 20. И не боялась овца тихая быстрыхъ волковъ.
 Тутъ на обилье полей селянинъ нарядный въ одеждѣ
 Мощныхъ полѣньевъ снесетъ на воспылавшій очагъ,
 А челядинцевъ толпа, знакъ добрый у сытыхъ хозяевъ,
 Станетъ играть, изъ вѣтвей тутъ же плетя шалаши.
 25. Сбыться молитвамъ моимъ; ты видишь ли, вѣщею жилкой
 Внутренность счастливо намъ милость пророчить
 боговъ?
 Нынѣ, при консулѣ древнемъ копченago, дайте фалерна ²⁷⁾
 Да, всю укупорку снявъ, также хіосскую кадъ.
 День да почтится виномъ: не стыдно наклюкаться въ
 праздникъ,
 30. И заплетающихъ ногъ плохо шаги направлять.
 Но «во здравье Мессаллы!» каждый да скажетъ надъ
 кубкомъ,
 Имя заочное пусть слышно въ отдѣльныхъ словахъ ³²⁾.
 Славный тріумфомъ, Мессалла, надъ аквитанскимъ
 народомъ
 И великая честь предкамъ косматымъ своимъ ³⁴⁾,

Въ какомъ видѣ плугъ остается во все праздничное время до новаго прибытія на поле.

¹⁹⁾ Не беремся рѣшить, слѣдуетъ ли подъ облыжными травами (*fallacibus herbis*) подразумѣвать сорныя травы, или же, какъ объясняетъ Фабриціусъ, пустые колосья самого посѣва.

²⁷⁾ Вино, для приданія ему крѣпости, ставили въ дымъ. Фалернъ и хіосское — отборнѣйшіе сорта вина.

³²⁾ Цицеронъ въ Катонѣ Старшемъ (XIV, 46) говоритъ, что такія заздравницы произносились съ перваго мѣста лѣвой скамьи и переходили направо отъ собесѣдника къ собесѣднику. Въ этомъ стихѣ только подробнѣе повторяется сказанное въ предыдущемъ, т. е. чтобы за каждымъ словомъ заздравницы поминалось имя отсутствующаго Мессаллы.

³⁴⁾ Не подстригавшимъ волосъ и бородъ.

35. Нынѣ приди и меня вдохнови, пока благодарность
 Пѣснью своей воздаю сельскимъ владыкамъ небесъ.
 Поле пою и боговъ полевыхъ. Подъ ихъ указаньемъ,
 Жизнь разучилась уже голодъ смирять желудьми.
 Тутъ жизнь звѣря ушла, была тутъ посѣяна яблонь,
 40. Тутъ плодосный ужъ садъ воду сталъ пить орошенъ.
 Тутъ раздавленъ ногами даль сокъ виноградъ золо-
 тистый,
 И съ безвреднымъ виномъ трезво смѣшалась вода.
 Жатву приносятъ поля, когда, подъ горячимъ созвѣ-
 здіемъ
 Лѣта, роняетъ что годъ русыя кудри земля.
 45. Легкая пчелка цвѣтовъ мчитъ въ улей съ весенняго
 поля,
 Чтобы наполнить скорѣй сладостнымъ медомъ соты.
 Въ полѣ также, чтобъ дать и дѣвамъ нѣжнымъ заботу,
 Носить на мягкой спинѣ свѣтлую волну овца.
 Самъ, говорятъ, Купидонъ, здѣсь между стадами ро-
 дился,
 50. Промежъ гуртовъ, говорятъ, и промежъ дикихъ кобылъ.
 Здѣсь упражнялся впервые надъ лукомъ онъ непо-
 корнымъ;
 Горе мнѣ, какъ у него руки искусны теперь!
 Не въ скотовъ, какъ прежде бывало, онъ цѣлитъ; а
 нынѣ,
 Дѣвъ поразивши, онъ гордъ или смиривши мужей.
 55. Отнялъ имущество онъ у юноши, онъ же и старцу
 У неприступныхъ дверей стыдныя рѣчи внушилъ ⁵⁶);
 Онъ предводитъ, когда, черезъ стражей лежащихъ
 шагая,

⁵⁵) Юноша расточаетъ свое имущество, чтобы угодить любимой женщинѣ.

⁵⁶) Стыдныя (pudenda) рѣчи по отношенію къ лѣтамъ старика.

- Къ юношѣ тайно одна дѣва въ потемкахъ идетъ,
И, боязни исполнена, щупаетъ путь свой ногами,
60. А рука между тѣмъ ищетъ дороги впотьмахъ.
О бѣдняки, коихъ богъ этотъ такъ удручаетъ. Но
счастливъ
Тотъ, на кого лишь слегка дышитъ незлобный Амуръ.
Снизойди же, святой! на праздничный пиръ, но по-
кинь ты
Стрѣлы, и факеловъ злыхъ къ намъ, я молю, не носи.
65. Вы же славнаго бога воспойте и громко зовите
Къ стаду; громко для стада, тайно же всякъ для себя.
Или и всякъ для себя даже громко; толпою игривой
И фригійскимъ рожкомъ всѣ заглушить голоса.
Празднуйте; ночь ужъ коней впрягла, и, вослѣдъ
колесницъ
70. Матери, весело хоръ слѣдуетъ звѣздъ золотыхъ;
Тутъ, на темныхъ крылахъ опустился Сонъ молча-
ливый
И невѣрной стопой черные Сны низойдутъ *).

-
39. Также впервые они научили изъ бревенъ сплоченныхъ
Крошечный домъ накрывать, взявши зеленыхъ вѣтвей,
И говорятъ, что они впервые быковъ научили
42. Службу нести и подъ возъ тожъ подвели колесо.
-

⁷⁰⁾ Подобно тому какъ богъ солнца подымается утромъ на колесницѣ, предшествуемый зарею (Аврора, Эось), такъ и ночь выезжаетъ на колесницѣ, окруженная звѣздами, какъ мать дѣтьми.

^{*}) Слѣдующее двойное двустипіе, обыкновенно помѣщаемое за ст. 38, подобно ниже стоящимъ отрывкамъ, указываетъ на планъ болѣе подробной и широкой отдѣлки элегій.

³⁹⁾ Боги научили людей строить дома, пахать на волахъ и дѣлать колеса.

51. Вѣчнымъ плугомъ наскучивши, земледѣлецъ впервые
Сельскія рѣчи запѣлъ вѣрнымъ размѣромъ стопы,
И, насытась, сыгралъ впервые на высохшей трости ⁵³⁾
Пѣсню, чтобъ съ нею предстать передъ убранствомъ
боговъ;

55. Да и раскрашенный сурикомъ, первый, о Вакхъ!
земледѣлецъ

Безъ искусства совсѣмъ вывести умѣлъ хороводъ.
Былъ замѣчательный даръ ему изъ богатой овчарни,
Стадъ предводитель, козель, — скудость добра воспол-
нял ⁵⁸⁾

Въ полѣ изъ вѣшнихъ цвѣтовъ вѣнокъ впервые и
мальчикъ

60. Сплелъ и на древнихъ его Ларовъ своихъ наложилъ.

63. Женскій отсюда и трудъ, отсюда куделя и прялка,

⁵¹⁾ Ступившій вмѣстѣ съ областью полезныхъ искусствъ и въ отвлеченную область изящнаго, земледѣлецъ превратилъ обычную рѣчь въ пѣсню, при чемъ стопосложеніе стало неизбѣжно.

⁵³⁾ Тростниковая свирѣль Пана, извѣстная сиринга.

⁵⁵⁾ Тибуллъ явно намекаетъ на возникновеніе (по понятію древнихъ) трагедіи и комедіи изъ хороводовъ на праздникахъ Вакха, во время которыхъ исполнители извѣстныхъ ролей, за незнакомствомъ съ масками, раскрашивали себѣ лица сурикомъ или же, какъ Горацъ. Пос. къ Пиз. 277 говоритъ про труппу Өесписа:

«раскрасивъ лица дрождами»

Получаемый талантливый (земледѣльцемъ или пастухомъ) предводителемъ хора въ награду козель траγος — далъ свое названіе самой трагедіи.

⁵⁸⁾ Настоящій стихъ, гласящій въ прежнихъ изданіяхъ:

«Стадъ предводитель козель овцамъ вдобавокъ козель»

подвергался многимъ поправкамъ и, хотя Тибуллъ, очевидно, полагаетъ, что козель давался трагику, къ качествѣ предводителя стада, но новѣйшіе толкователи приходятъ къ заключенію, что козель, по своей природной бойкости, назначался въ жертву Вакха.

И подъ пальцемъ въ урокъ кружится веретено;
 А иная, присѣвъ усердно за тканью, Минерву
 66. Воспѣваетъ, и въ ладъ берду отвѣтствуетъ ткань.

9 (II, 3).

Нивы, Корнутъ! и деревня моею дѣвой владаютъ ¹⁾.
 Тотъ желѣзный, увы! въ городѣ, кто тутъ засѣлъ.
 Нынѣ Венера сама къ полямъ убѣжала веселымъ,
 Учится сельскимъ рѣчамъ у земледѣльца Амуръ.
 5. О, когда бы свою я милую видѣлъ, какъ мощно
 Жирную почву вращать сталъ бы тяжелой киркой,
 И по пахарски самъ, изогнувшись, пошелъ бы за плугомъ,

9 (II, 3). Въ то время какъ въ предыдущей элегіи поэтъ только слегка намекаетъ на свою любовь къ дѣвушкѣ, испрашивая благосклонность Амура, въ настоящей любовное отношеніе уже высказывается ясно, и возлюбленная названа Немезидой. Она изъ города отправилась въ деревню съ богачомъ, который ее туда увезъ. Такимъ образомъ мечты поэта о счастливой сельской жизни съ возлюбленною не сбылись, и къ тому же его возлюбленная, не питая склонности къ деревенской жизни, стремилась напротивъ къ городскимъ удовольствіямъ и на этотъ счетъ была гораздо взыскательнѣе Деліи. Поэтъ жалуется на свою судьбу другу своему, не Церинту, какъ думали нѣкоторые, а Корнуту, которому онъ посвящаетъ эту вторую элегію, подобно тому, какъ первую посвятилъ Мессаллѣ. При ней уцѣлѣли только два отрывка, которые, будучи вставляемы переписчиками между строками, стали въ нѣкоторыхъ стихахъ совершенно неразборчивыми; такъ, между прочимъ, недостаетъ цѣлаго пентаметра, который итальянцы старались возстановить то такъ, то иначе.

¹⁾ *Корнутъ* въ нѣкоторыхъ рукописяхъ стоитъ Церинтъ въ томъ вниманіи, что это имя въ связи съ Сульпиціей находится въ дальнѣйшихъ стихотвореніяхъ, которыя, будучи найдены при рукописяхъ Тибулла, ошибочно считались его произведеніями, тогда какъ въ сущности принадлежатъ его талантливому современнику.

Если готовить пришлось сѣвъ на бесплодныхъ волахъ!
Я бѣ не ропталъ, что палить мнѣ солнце изящные члены,

10. Или, прорвавшись, мозоль нѣжныя руки вредить.

Пасъ и самъ Аполлонъ прекрасный быковъ у Адмета ¹¹⁾;

Долгій волосъ его, цитра его не спасли;

Излѣчить онъ не могъ цѣлебными травами горя,

Сколько искусства врача было—Амуръ побѣдилъ.

15. Кто-бѣ на неубранную, въ волосахъ распущенныхъ ни
глянулъ

Голову, вѣрно-бѣ спросилъ, Фебовы гдѣ-жѣ волоса?

Гдѣ-жѣ нынѣ, Фебъ, твой Делосъ? Дельфійская Пиѳія
гдѣ-же? ¹⁷⁾

Видно Амуръ то тебя въ бѣдную хату завелъ?

Счастлива древность, когда, говорить, не стыдились
Венерѣ,

20. Не скрываясь ничуть, вѣчные боги служить.

Нынѣ сталъ сказкою тотъ, но, кто помышляетъ о милой,

Сказкою быть предпочтетъ, чѣмъ божествомъ безъ любви.

Ты же, кто-бѣ ни былъ ты, кѣмъ Купидонъ со взгля-
домъ угрюмымъ

Повелѣваетъ, раскинъ лагерь свой въ нашемъ дому ²⁴⁾.

* *
*

¹¹⁾ По одному преданію юный красавецъ Аполлонъ, за умерщвление Циклоповъ, по повелѣнію Юпитера долженъ былъ стеречь быковъ ессалійскаго царя Адмета; по другому, которымъ воспользовался между прочимъ и Тибуллъ, Аполлонъ терпѣлъ это униженіе добровольно изъ любви.

¹⁷⁾ На островѣ Делосѣ былъ знаменитый храмъ Аполлона. Намѣстѣ пиѳійскаго оракула жилъ нѣкогда знаменитый драконъ Пиѳонъ, сраженный Аполлономъ и сообщившій свое имя и храму и богу.

²⁴⁾ *Раскинъ лагерь*: научись у меня переносить любовныя несчастія.

25. Хвалятъ въ желѣзный нашъ вѣкъ не Венеру теперь,
а хищенье,

Но хищенье уже много надѣлало бѣдъ.

Облекало хищенье враждебнымъ оружіемъ строи;

Кровь оттоль изошла, битвы и ранняя смерть.

Множить на шаткихъ моряхъ хищенье велѣло опасность,

30. Какъ воинственный клювъ шаткимъ дала кораблямъ.

А у меня на пирахъ веселыхъ пусть чаши Самоса ³¹⁾

Иль изъ Куманской земли, скруженной тамъ колесомъ.

Горе! я вижу, что дѣвъ богатые только плѣniająть;

Будемъ же хищны, когда ищетъ Венера богатствъ,

35. Въ роскоши плаваетъ пусть моя Немезида, пусть ходитъ

По городу, чтобы всякъ видѣлъ подарки мои.

Въ тонкихъ одеждахъ она пусть, тѣхъ, что женщина

Кòса ³⁷⁾

Выткала и золотыхъ рядомъ полосъ навела;

Черные спутники съ ней пусть ходятъ изъ Индіи жгучей,

40. Тѣ, что окрасилъ коней солнца не дальній проѣздъ.

Пусть отборные ей цвѣта предлагаютъ за споромъ

²⁵⁾ Хотя ничто не мѣшало намъ перевести слово *praeda* прямо соотвѣтственнымъ словомъ добыча, но мы рѣшили поставить хищенье, такъ какъ оно причиною всѣхъ приводимыхъ золъ, а не пассивная добыча.

³⁰⁾ Металлическимъ клювомъ снабжались только военные корабли.

³¹⁾ Глиняныя чаши самосскія и куманскія были самыя дешевыя (смотри Горац. Сат. 1, 6, 118).

³⁷⁾ На островѣ Косѣ приготовлялись изъ тончайшаго шелка полупрозрачныя ткани большею частію съ золотыми полосками. Ткани эти преимущественно носились либертинами, но въ императорскія времена въ нихъ одѣвались и роскошныя матроны, и даже изнѣженные мужчины. (Сличи 10, 29).

⁴⁰⁾ Пусть ее сопровождаютъ дорогіе индійскіе рабы, окрашенные въ черный цвѣтъ близкимъ проѣздомъ солнца.

Африка красный, какъ жаръ, Тиръ свой пурпуровый
цвѣтъ ⁴²⁾).

* *
* *

Вѣрно скажу я; теперь ей властвуетъ тотъ, кто нерѣдко
На иноземныхъ доскахъ ноги въ мѣлу выставлялъ ⁴⁴⁾).

45. Зла будь Церера къ тебѣ, за уводъ Немезиды изъ Рима;
Пусть и измѣной земля за сѣмена воздаетъ.

Ты же изнѣженный Вакхъ! отрадной лозы насадитель
Ты оставь-ко, о Вакхъ, мной проклятые чаны ⁴⁸⁾).

Не безнаказанно-жъ вамъ красавицъ въ деревнѣ пе-
чальной

50. Прятать; подобной цѣны сокъ твой не стоитъ, отецъ!
О прощайте плоды, не жили бѣ лишъ дѣвы въ деревнѣ;
Будемъ мы желуди ѣсть, воду по старому пить.

Желудь древнихъ питаль, а все же повсюду любили,
Что за бѣда, что тогда жили, не сѣя бороздъ?

55. Тѣмъ, которыхъ Амуръ вдохновлялъ, предлагала открыто
Радость въ прохладѣ долинь кротко Венера сама.
Не было стражей совсѣмъ и не было двери запертой
Скорбному: вѣкъ тотъ, молю, если возможно вернись!

.....

Платя косматая пусть грубая рядятъ тѣла ⁵⁹⁾).

60. Нынѣ коль милую заперли, коль ее въ рѣдкость увижу,

⁴²⁾ Африканскій пурпуръ — ярко-красный, а финикійскій — съ фіолетовымъ оттѣнкомъ.

⁴⁴⁾ Тибуллъ представляетъ своего противника низкимъ рабомъ, которому нѣсколько разъ при продажѣ приходилось стоять на доскахъ, на которыхъ иностранные рабы выставались съ выбѣленными мѣломъ ногами для привлеченія покупателей.

⁴⁵⁾ Зла къ противнику.

⁴⁸⁾ Проклятые мною чаны моего противника, предназначенные для винограднаго сока.

⁵⁰⁾ Отецъ-Вакхъ.

⁵⁹⁾ Первобытныя звѣриныя шкуры.

Горе мнѣ! Что же за прокъ въ тѣгѣ широкой моей?
 Къ ней ведите; по волѣ владычицы поле вспашу я,
 Не откажусь отъ цѣпей, ни отъ ударовъ бича.

15. Самъ привыкъ уже богъ выгонять коровъ изъ ограды,

* *
*

16. И парнымъ молокомъ сычужокъ добавлять научилъ онъ,

* *
*

17. И густѣла въ смѣси влага тогда молока.

Тутъ сплеталась затѣмъ изъ легкихъ тростинокъ корзинка,
 Чтобы сквозь чистый плетезъ сыворогѣ былъ исходъ.

20. О какъ часто, когда онъ несъ черезъ поле теленка,
 Съ нимъ, какъ намъ говорятъ, встрѣтись краснѣла
 сестра! ²¹⁾

О какъ часто, когда въ глубокой пѣль онъ долилъ,
 Вѣщую пѣснь прерывать ревомъ дерзали скоты!

Часто стремились вожди къ оракулу съ дѣломъ не-
 яснымъ ²⁴⁾,

25. И изъ храмовъ домой шла понапрасну толпа;
 Часто Латону смущалъ священныхъ волосъ безпо-
 рядокъ ²⁶⁾,

¹⁵⁾ За 14-мъ стихомъ настоящаго изданія, очевидно, слѣдовало дальнѣйшее описаніе занятій Аполлона при стадѣ Адмета.

¹⁶⁾ Аполлонъ обучилъ прибавлять въ свѣжее молоко сычужокъ, отъ котораго оно створаживается, а также и плести изъ прутьевъ цѣдилки, сквозь которыя изъ творога стекала бы сыворожка.

²¹⁾ Прелестное олицетвореніе краснаго восхожденія луны (Фебы).

²⁴⁾ Недоумѣвающіе военно-начальники отправлялись вопрошать оракула, но за отсутствіемъ бога, пасшаго скотину, возвращались ни съ чѣмъ.

²⁶⁾ Латона, мать Аполлона и Діаны отъ Юпитера, часто смущалась безпорядкомъ прекрасныхъ волосъ своего сына, которыми восхищалась сама Юнона, которую поэтъ здѣсь, въ качествѣ супруги Юпитера, называетъ мачихой дѣтей Латоны.

Кoимъ дивилась сама мачиха прежде не разъ.

44. Хищникъ алкаетъ полей себѣ захватить безграничныхъ,
Чтобъ на обширныхъ земляхъ овцы паслись безъ числа;
Камень чужой ему милъ: и въ городѣ цѣломъ смятенъе ⁴⁶⁾;
Тащить колонну ему дюжая тысяча ярмъ.

Запираетъ и молъ непокорное море, чтобъ рыба,

49. Облѣнившись, могла бѣдствій не вѣдать зимы.

10 (II, 4).

Тутъ предвижу я рабство съ готовою мнѣ госпожею ¹⁾;
Такъ отцовская та воля, прощай для меня!

⁴⁴⁾ Этотъ отрывокъ, который въ нашемъ текстѣ слѣдовало бы поставить за 30-мъ стихомъ, представляетъ дальнѣйшія картины хищенія. Говоря вообще, Тибуллъ тѣмъ не менѣе ударяетъ на слово *хищникъ*, чтобы обозвать такимъ образомъ богача, похитившаго у него Немезиду.

⁴⁶⁾ Подъ чужимъ камнемъ надо преимущественно подразумѣвать дорогой привозный мраморъ, изъ коего громадную колонну, стѣснительнымъ для жителей образомъ, тащить по улицамъ многочисленныя животныя.

⁴⁹⁾ Тотъ же разбогатѣвшій хищникъ отхватываетъ каменной запрудой часть морского залива, превращая его въ безопасную сажалку для рыбы.

10. (II, 4). Эта элегія, средняя въ циклѣ, представляетъ намъ влюбленнаго въ высшемъ возбужденіи, причемъ онъ проклинаетъ то одно, то другое и все-таки подъ конецъ, какъ въ предыдущей элегіи, готовъ все претерпѣть, если только достигнетъ полной взаимной любви. Что эта элегія должна была подвергнуться болѣе строгой обработкѣ, видно уже потому, что въ ней недостаетъ посвященія какому-либо другу, или его прославленія, подобно тому, какъ это встрѣчается во всѣхъ остальныхъ этого цикла.

¹⁾ *Тутъ*: въ такомъ моемъ положеніи.

Только печальное ждетъ меня рабство, я въ цѣпи
закованъ,

И никогда бѣдняку цѣпь не ослабитъ Амуръ.

5. И, за вины ли мои, или за погрѣшности жжетъ онъ.
Охъ, я горю! Отклони злобная факелы ты!
О чтобы только такихъ не чувствовать могъ я мученій,
Какъ бы я камнемъ желалъ быть на холодныхъ горахъ,
Или утесомъ стоять, въ который при вѣтрѣ жестокомъ,
10. Гибель суля кораблямъ, хлещетъ морская волна!
Нынѣ же горекъ мой день, и тѣнь еще горше ночная,
Время то все для меня скорбною желчью полно.
Не помогаютъ элегіи, даже съ творцомъ Аполлономъ;
Вѣчно вѣдь просить она денегъ пригоршней руки.
15. Музы, ступайте же прочь! коль вы бесполезны влюб-
леннымъ;
Я вѣдь служу вамъ не съ тѣмъ, чтобы войну воспѣвать,
Не говорю о путяхъ я солнца, иль какъ убѣгаетъ ¹⁷⁾,
Кругъ свой закончивъ, луна на обращенныхъ коняхъ.
Доступа легкаго я ищу до владычицы пѣнъемъ;
20. Музы, ступайте вы прочь! если оно ни къ чему.
Стоить убійствомъ мнѣ да злодѣйствомъ готовить подарки,
Чтобы предъ запертымъ домомъ бѣднягѣ не лечь.
Или изъ храмовъ святыхъ похищу со стѣнъ прино-
шенъя,
Только Венерѣ изъ всѣхъ первой я долженъ вредить.
25. Злому-то дѣлу она научаетъ и предала алчной
Дѣвѣ меня; такъ терпи отъ святотатственныхъ рукъ.
О, да погибнетъ же, кто набираетъ зеленыхъ сма-
рагдовъ,

¹⁷⁾ Объ измѣняющихся путяхъ солнца по эклиптикѣ, приводящихъ перемѣны временъ года. Луна, восполнивъ свой кругъ при полно-
луніи, перепрягаетъ коней своей колесницы въ обратную сторону,
чтобы ѣхать въ ущербъ.

И бѣлоснѣжной овцѣ Тира окраску даетъ ²⁸⁾).

Поводъ къ алчности тутъ подають и косскія ткани ²⁹⁾

30. Дѣвамъ и блещущій тожъ краснаго моря жемчугъ.

Вотъ почему онѣ злы; тутъ ключъ появился на двери,
И собака порогъ стала у нихъ сторожить.

Но коль подарокъ большой ты принесть, то стража
сдается,

Не преграждаютъ ключи—и умолкаетъ самъ пѣсь.

35. Кто изъ небесныхъ, увы! далъ внѣшность прекрасную
алчной,

Что за великое зло къ благамъ онѣ всѣмъ пріобщилъ!

Плачъ и ссоры отсель раздаются, и это причиной,

Что опозореннымъ сталъ богомъ въ дни наши Амуръ.

А у тебя пусть зато, что безденежныхъ гонишь влюб-
ленныхъ,

40. Все нажитое добро вѣтръ разнесетъ и огонь;

Пусть на пожаръ твой тогда молодежь съ наслажде-
ніемъ смотреть,

И никто на огонь спѣшно воды не плеснетъ;

Если придетъ къ тебѣ смерть, то пусть ни одинъ не
заплачетъ,

И печальныхъ даровъ на погребенье не дастъ ⁴⁴⁾).

45. Къ доброй же, что не была скупой, хотя бы сто лѣтъ ей

Жить довелось, придуть плакать предъ жаркимъ ко-
стромъ;

²⁸⁾ Тирскій (финикійскій) пурпуръ, смотри 9, 42.

²⁹⁾ Косскія ткани смотри 9, 37.

³⁰⁾ Именемъ *краснаго* древніе обзывали вообще восточныя моря, связывая съ этимъ словомъ понятіе о восходящей румяной зарѣ; въ настоящемъ случаѣ надо понимать жемчугъ Персидскаго залива.

⁴⁴⁾ Едва ли подъ *печальными* дарами можно подразумѣвать вмѣстѣ съ Фоссомъ похороны любимой дѣвушки ея друзьями въ складчину, а не вѣнки, ленты и благовонія, приносившіеся молодежью къ костру молодой дѣвушки.

- И постарше какой, изъ почтенья къ страсти давнишней,
Ежегодно на холмъ станеть вѣнковъ приносить.
И, уходя, скажетъ онъ «почій спокойно и тихо,
50. И да будетъ земля легкой надъ миромъ костей!»
Правду я говорю, но чѣмъ же поможетъ мнѣ правда?
Надо Амуру служить мнѣ по законамъ ея ⁵²).
Если даже велитъ продавать мнѣ имѣніе предковъ,
Лары идите сейчасъ къ вывѣскѣ подъ молотокъ ⁵⁴).
55. Сколько яду ни есть у Цирцеи иль у Медеи,
Сколько бы травъ ни росло на ессалійской землѣ,
Сколько бѣ, когда въ табуны Венера любовью задышитъ,
Гиппомановъ въ жару не истекло изъ кобыль ⁵⁸),
Ежели кинетъ мнѣ взоръ привѣтный моя Немезида,
60. Пусть еще тысячи травъ новыхъ смѣшаетъ—я пью.

⁵²) Если моя правда не доставляетъ мнѣ доступа къ Немезидѣ, то приходится служить Амуру не по моимъ, а по ея законамъ, т. е. добывать денегъ.

⁵⁴) Мы переводимъ *imperium* (власть) словомъ молотокъ, лишь изъ желанія указать на аукціонную продажу, при которой въ Римѣ даже частные люди выставляли вывѣску или втыкали пикъ. Но когда вещи формально поступали на аукціонъ подъ предсѣдательствомъ претора, то обязательно шли подъ вывѣску.

⁵⁵) Влюбленному недостаточнымъ кажется распродать свое имущество, онъ лично готовъ выпить самый страшный ядъ, какой когда-либо существовалъ, чтобы добиться привѣтливаго взгляда возлюбленной. Цирцея и Медея двѣ родныя сестры, дочери колхійскаго царя Аэта, представительницы колдовства, съ тою разницей, что колдовство Цирцеи было вредоносно, а Медеи благотворно; ессалійскія колдуньи славились въ древности.

⁵⁸) Хотя *Гиппоманы* буквально: конская ярость, были (какъ мы объяснили Сат. Ювен. II, 6, 133), по мнѣнію древнихъ, кускомъ мяса на головѣ новорожденнаго жеребенка, скусываемымъ тотчасъ же маткою и имѣющимъ силу привораживать сердца, но изъ стиховъ Тибулла видно, что онъ ближе придерживался первобытнаго значенія слова.

11 (II, 5).

Фебъ, благосклонно прими! жрецъ новый во храмъ
твой вступаетъ;

Съ цитрой скорѣ сюда, съ пѣснями также сойди.

Нынѣ дай пальцами мнѣ ударить въ поющія струны,

Нынѣ направь, я молю, рѣчи ко славѣ твоей,

5. Самъ ты, увивши чело тріумфальнымъ лавромъ въ то
время,

Какъ твой алтарь отягчатъ, собственный праздникъ
почти,

11 (II, 5). Ежели и эта, въ извѣстномъ торжественномъ тонѣ написанная, элегія большею частію представляетъ поздравительное стихотвореніе къ Мессаллѣ и въ особенности къ сыну его М. Валерію Мессаллину, который вступилъ тогда въ совѣтъ 15-ти мужей, занимавшихся вопрошеніемъ сивилльскихъ книгъ, и которому поэтъ возвѣщаетъ славную будущность; то настоящее стихотвореніе тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ элегическому вѣнку Немезиды. О ней вспоминаетъ онъ въ концѣ стихотворенія, говоря, что она для него все, что онъ не можетъ не воспѣвать ея, иначе онъ не въ состояніи написать ни одного стиха, и просить, чтобы она только на этотъ разъ дозволила ему воспѣть сына высокаго покровителя. И эта элегія, какъ указываетъ Группе, сохранилась для насъ въ первобытномъ, поспѣшномъ наброскѣ; изъ дальнѣйшей обдѣлки уцѣлѣли только два отрывка, которые Фабриціусъ помѣщаетъ въ концѣ элегіи. Замѣчательно, между прочимъ, по мнѣнію Группе, что, такъ какъ о молодомъ Мессаллинѣ нельзя было говорить много, и самая новая должность его не представляла въ глазахъ поэта особенной важности, то Тибуллъ ловко пользуется празднествомъ въ домѣ Мессаллы, чтобы воспѣть прорицателя Аполлона и Сивиллу, коей книги, въ то время, хранились во вновь сооруженномъ Августомъ храмѣ Палатинскаго Аполлона. Съ этимъ онъ связываетъ свое личное возрѣніе на счастливую жизнь въ грядущемъ.

⁵⁾ *Тріумфальнымъ*. Нѣкоторые видятъ здѣсь намекъ на акціумскій тріумфъ Августа, или аквитанскій Мессаллы, хотя это можетъ быть просто украшающимъ эпитетомъ лавра.

И блестящъ и красивъ низойди: возложи ты одежду,
Что сберегалъ; расчеши длинный свой волосъ пыш-
нѣй⁸⁾,

Какъ знавали тебя при изгнаніи царства Сатурна,
10. Какъ побѣдителю ты Зевсу хвалу воспѣвалъ.

Ты далеко прозрѣваешь грядущее, силой твоею
Знаетъ авгуръ, что въ судьбахъ вѣщая птица гласить;
Въ жребіяхъ ты же царишь, чрезъ тебя только чуется
гадатель¹³⁾,

Скользкую внутренность богъ знакомъ отмѣтилъ какимъ;
15. Римлянъ въ обманъ чрезъ тебя никогда не вводила
Сивилла,

Шестистопнымъ стихомъ тайны вѣщая свои¹⁶⁾.

«Фебъ! дозвожь Мессаллину святыя пророчицы свитки
Тронуть, и въ чемъ ея пѣснь, самъ ты, молю, научи.
Трудолюбивый Эней и братъ подвижного Амура¹⁹⁾,

20. Ты на бѣгущихъ судахъ Трои святыни везешь,
Ужъ предназначилъ тебѣ Зевесъ лаврентинскія нивы²¹⁾,
Ждетъ ужъ блуждающихъ Ларъ гостепріимно земля.
Тамъ ты будешь священъ, когда отъ волны досточтимой

⁸⁾ *Что сберегалъ*, какъ Китареда свою праздничную длинную одежду, чтобы явиться въ ней передъ публикой, съ расчесанными волосами, какъ въ торжественную минуту.

¹⁰⁾ Когда ты воспѣвалъ побѣду Зевеса надъ Сатурномъ.

¹³⁾ За авгуромъ слѣдуетъ гадатель, которому Фебъ указываетъ во внутренностяхъ, легко ускользающихъ изъ рукъ, примѣты будущихъ жребіевъ.

¹⁶⁾ Сивилла въ книгахъ своихъ, подобно Дельфійскому оракулу, говоритъ гекзаметрами.

¹⁹⁾ Трудолюбивымъ названъ Эней, сынъ Анхиза и Венеры и по матери братъ Амура, потому, что онъ безустанно искалъ страны пріятной его богамъ, и его скитанія имѣютъ одностороннее сходство съ вѣчной подвижностью Амура.

²¹⁾ Лаврентинскія поля въ Лаціумѣ, гдѣ Эней гостепріимно былъ встрѣченъ царемъ Латиномъ.

Нумика ты къ небесамъ богомъ туземнымъ взойдешь²⁴⁾.

25. Вотъ и Побѣда несется надъ утомившимся флотомъ,
Но къ троянцамъ она гордая все жъ низошла.

Вотъ засіялъ предо мной пожаромъ Рутула лагерь²⁷⁾
Я ужъ пророчу тебѣ, Турнъ непріязненный! смерть.
Станъ лаврентинскій въ виду, въ глазахъ Лавиніи
стѣны,

30. Альба долгая, что строилъ Асканій, какъ вождь.
Вижу уже и тебя я, Марса плѣнившая жрица,
Илія! какъ ты уйдешь, кинувъ Весталки алтарь³²⁾,
И объятья твои тайкомъ близъ лежащихъ повязокъ
И доспѣхи, что богъ страстный на брегѣ забылъ³⁴⁾

35. Рвите же нынѣ волю! съ семи холмовъ эту траву,
Коль еще можно; большой городъ тутъ долженъ
возстать.

Римъ! твое имя должно владѣть покоренной землею,
Сколько собственныхъ нивъ видитъ Церера съ небесъ,
Гдѣ распростерся востокъ и гдѣ подвижными волнами

²⁴⁾ Эней по преданію во время сраженія утонулъ въ небольшой рѣкѣ Нумикѣ, нынѣ Rio-Torto, и по смерти своей сталъ туземнымъ, т. е. латинскимъ божествомъ.

²⁵⁾ Хотя побѣда троянскаго флота надъ Рутулами и предшествовала смерти Энея, но поэтъ предпосылаетъ ей апоѳеозу самого героя.

²⁷⁾ Пожаръ лагеря Рутуловъ упоминается только здѣсь, тогда какъ въ Энеидѣ (IX, 69) говорится о неудачной попыткѣ Рутуловъ подъ предводительствомъ Турна сжечь троянскій флотъ.

³⁰⁾ Поэтъ именуетъ послѣдовательныя мѣста пребыванія прибывшихъ троянцевъ: сначала Лаврентъ, затѣмъ, построенную Энеемъ и по имени супруги названную, Лавинію, и наконецъ, построенную сыномъ его Асканіемъ Альба-Лонгу.

³²⁾ *Илія* или Рея Сильвія, дочь Нумитора, была дядею Амуліемъ, боявшимся отъ нея наслѣдниковъ, обращена въ весталку.

³⁴⁾ Грозные доспѣхи, оставленные на берегу, чтобы не напугать дѣвушки своимъ видомъ, достаточно указываютъ на Марса.

40. Солнца сопящихъ коней моетъ рѣка-океанъ.

Троя тогда на себя подивится и скажетъ себѣ же,
Что хорошо вамъ помогъ путь продолжительный вашъ.
Истину вамъ я пою; какъ вѣкъ мнѣ безвредно пи-
таться ⁴³⁾

Лавромъ священнымъ, и вѣкъ дѣвству остаться при
мнѣ.»

45. Это прошѣла пророчица и призвала къ себѣ Феба,
И, волосами тряхнувъ, сбросила ихъ на лицо.

Пусть это въ древности такъ. Но ты, Аполлонъ, уже
кроткій,

Всѣ предвѣстія бѣдъ въ бурныхъ волнахъ потопа;
И на священномъ огнѣ пусть лавръ затрещитъ хоро-
шенько,

50. Въ предсказанье, что годъ счастливъ и святъ къ намъ
идеть.

Лавръ хорошіе знаки даетъ, веселитесь сельчане!

Разопретъ закрома наша Церера зерномъ,
Сокомъ залитой ногой селянинъ топтать будетъ грозды,
Такъ что не хватить ни ведръ даже, ни емкихъ чановъ.

55. И наполненный Вакхомъ пастухъ свой праздникъ
Палилій

Воспоетъ; тутъ отъ стойлъ, волки, держитесь вдали.

⁴³⁾ *Безвредно*: Я, говоритъ Сивилла, возвѣщаю только истину, на-
столько же вѣрную, насколько мнѣ вѣчно оставаться дѣвой и не
впадать въ безуміе, хотя я ѣмъ лавровые листья для возбужденія
вдохновенія.

⁵⁵⁾ Сельскій праздникъ Палилій, въ честь пастушеской богини
Палесы, отбывался со многими обрядами. Стойла очищались и укра-
шались, овцы окроплялись и окуривались, самой богинѣ приносились
жертвы съ молитвами, чтобы она отклонила бѣдствія отъ людей и
скота. Затѣмъ пили горячее вино съ молокомъ и, выпивши, въ ви-
дахъ собственнаго очищенія, скакали три раза черезъ кучи зажжен-
ной соломы.

- По преданію кучки зажегши изъ легкой соломы,
 Выпивши пусть онъ прыгнетъ черезъ священный огонь!
 Дастъ хозяйка дитя, и у отца поцѣлуи,
 60. За уши взявши его, станетъ ребенокъ срывать;
 Дѣду не надоѣстъ посидѣть надъ маленькимъ внукомъ,
 И старику, лепеча, къ мальчику рѣчь обращать.
 Тутъ, потрудясь божеству, на травѣ раскинется юность
 Тамъ, гдѣ ложится слегка стараго дерева тѣнь;
 65. Иль изъ одежды своей растянутъ навѣсы, увивши
 Ихъ вѣнками, въ вѣнкахъ будетъ и самый фіалъ;
 Или каждый себѣ устроить трапезу повыше
 У дерновыхъ столовъ, ложе дерновое тожъ.
 Юноша, выпивши, тутъ покроетъ ругательствомъ дѣву,
 70. Скоро-жъ начнетъ умолять этотъ проступокъ забыть;
 Этотъ дикарь, отрезвась, станетъ плакать предъ милой
 и тутъ же
 Станетъ божиться, что былъ онъ вѣдь не въ здра-
 вомъ умѣ.
 Воля твоя, пропади самый лукъ, пропади съ нимъ и
 стрѣлы,
 Фебъ! чтобъ ходилъ по землѣ лишь безоруженъ Амуръ.
 75. Честь искусству; однако, лишь взялъ Купидонъ себѣ
 стрѣлы,
 Горе, искусство его сколькоимъ надѣлало зла!
 И особенно мнѣ, лежу я раненый цѣлый
 Годъ и питаю болѣзнь—такъ эта боль мнѣ мила—
 Все Немезиду пою, безъ нея ни одинъ не находитъ
 80. Стихъ мой ни правильныхъ словъ, ни подобающихъ
 стопъ.
 Ты же, вѣдь боги блюдутъ подъ своею охраной поэтовъ,

⁶⁰⁾ Ласкающіяся дѣти часто берутъ взрослыхъ за уши, подобно тому, какъ мы беремся за ушки сосуда, напр., суповой чашки.

25. А коровы паслись на покрытомъ травой Палатинѣ,
И стояло въ дворѣ Зевсовомъ нѣсколько хатъ.
Весь въ молоко тамъ, Панъ стоялъ подъ тѣнію дуба,
И Палесы кумиръ сельскимъ обдѣланъ серпомъ ²⁸⁾,
Да пастуха кочевого висѣла на деревѣ тутъ же
30. Флейта болтливая, даръ богу лѣсовъ посвященъ,
Флейта, въ которой тростникъ весь рядомъ идетъ
умалаясь;
И постепенно стволы меньшіе воскъ сочеталъ ³²⁾.
Тамъ же, гдѣ нынѣ Велабрь пролегаетъ, ходилъ тутъ
бывало ³⁴⁾
- Двигаясь маленькій челнъ по неглубокой водѣ.
35. Часто, желая понравиться стадѣ богатыхъ владѣльцу,
Дѣва стремилась въ немъ къ юношѣ въ праздничный
день.
- Возвращались съ ней дары изобильной деревни ³⁷⁾,
38. Сыръ и ягненокъ-бѣлякъ отъ бѣлоснѣжной овцы.

67. Что Амальтея и что Марпесская предвозвѣстила

²⁸⁾ *Палесы* см. тутъ же ст. 55.

³²⁾ Подробное описаніе свирѣли, сиринги Пана.

³⁴⁾ *Велабрь*—низменность между Капитолинскимъ, Авентинскимъ и Палатинскимъ холмами часто заливалась Тибромъ. По словамъ поэта въ старину тутъ ходили лодки.

³⁷⁾ *Возвращались* (*redierunt*), слово это, по неоконченности картины, понимаемо было даже въ обратномъ смыслѣ: появлялись. Дѣвушка, желающая нравиться богатому владѣльцу стада, ѣдетъ къ нему нарядная въ праздникъ и привозитъ ему сыру и бѣлаго ягненка. Намъ казалось болѣе естественнымъ, что дѣвушка, про которую намъ неизвѣстно, богата ли она, но извѣстно, что она ѣдетъ къ богатому пастуху, везетъ туда одну свою красоту, а увозитъ сыръ и ягненка. Въ этомъ смыслѣ мы и перевели.

⁶⁷⁾ Вставка, находящаяся обычно за 66 стихомъ, указываетъ на желаніе поэта коснуться также предсказаній бѣдственныхъ временъ,

- Герофила, о чемъ Фито гречанка рекла,
 И предсказанья святыя, что чрезъ Аніенскія воды
 70. Древле Тибурта несла, не замочивъ на груди,
 Всѣ говорятъ, что къ войнѣ великой будетъ комета,
 А на землю падеть каменный дождь проливной;
 Трубъ и оружія звонъ, говорятъ, были слышны на
 небѣ,
 Въ рощахъ слышалось тожъ бѣгство сулящая пѣснь;
 75. И изваянья боговъ проливали горючія слезы
 И, предвѣщая судьбу, заговорили воны.
 Даже какъ самое солнце, утративши блескъ, запрягало
 78. Блѣдными ставшихъ коней, видѣлъ туманный тотъ
 годъ.

которыхъ ему недалеко было искать въ недалекомъ прошломъ, ознаменованномъ гражданскими усобицами и повальными болѣзнями, во время которыхъ справлялись по Сивиллинымъ книгамъ. *Амальтея* Куманская, *Герофила* Марпесская, изъ небольшого троянскаго городка *Марпесса*, равно какъ и греческая *Фито*, вѣщія Сивиллы.

⁷⁰⁾ О десятой Сивиллѣ, *Тибуртъ*, по имени Альбунеи, Варронъ говоритъ, что ее чтутъ въ Тибурѣ на берегу рѣки Аніена, на днѣ которой была отыскана ея статуя съ книгою въ рукѣ, перенесенною сенатомъ въ Капитолій.

⁷⁸⁾ Плиній (натур. истор. II, 30, 98) рассказываетъ, что по смерти Цезаря и въ продолженіе Антоніевыхъ войнъ почти цѣлый годъ были безсолнечные дни съ блѣдными туманами.

12 (II, 6).

Мацеръ идетъ на войну; что станется съ нѣжнымъ
Амуромъ? ¹⁾

Въ спутники-ль храбро поидетъ, сбрую на шеѣ неся? ²⁾

И поведутъ ли пути по землѣ или по морю мужа,

Вооруженнымъ при немъ о-бокъ захочетъ ли стать?

5. Мальчикъ! жги, я прошу, того, кто жестокий покинулъ
Твой досугъ, и верни блуднаго къ стягамъ твоимъ.

Если солдатъ ты щадишь, то вотъ я стану солдатомъ,

Въ легкомъ шлемѣ себѣ самъ стану воду носить ⁸⁾.

12 (II, 6). Предшествующая элегія только разъ напоминаетъ Немезиду, когда поэтъ проситъ у нея прощенья, что отвлекается сторонними предметами, хотя и не можетъ забыть ея. Но въ этой заключительной элегіи, въ которой онъ одновременно воспѣваетъ друга своего Мадера, поэтъ нашъ является во всей красѣ своихъ мягкихъ и тонкихъ оборотовъ, привлекающихъ наше вниманіе до конца. Онъ угрожаетъ своей возлюбленной рѣшимостью отправиться вслѣдъ за другомъ на войну; скоро затѣмъ онъ чувствуетъ въ этомъ свою несостоятельность. Среди душевныхъ мученій онъ не теряетъ надежды, воздерживающей его отъ крайности. Умоляя свою возлюбленную не вводить его далѣе въ обманъ, онъ припоминаетъ ей ея же недавно умершую сестру, которая всегда была къ нему благосклонна, но, чтобы не причинить Немезидѣ дальнѣйшимъ описаніемъ несчастнаго случая излишней горести, поэтъ переноситъ упреки, заслуженные возлюбленной, на ея окружающихъ.

¹⁾ *Мацеръ*, упоминаемый и Овидіемъ (Trist. IV, 10, 43) Эмилиѣй Мацеръ изъ Вероны, другъ Виргилія, равно какъ и Тибулла и Овидія (хотя онъ былъ старше ихъ). Онъ писалъ дидактическія стихотворенія о птицахъ, растеніяхъ и т. д. и умеръ около 16 г. до Р. Хр. Его участіе въ аравійскомъ походѣ Элія Галла, одно предположеніе.

²⁾ Вѣроятно, поэтъ хотѣлъ сказать, что Амуръ понесетъ оружіе, не какъ оруженосецъ за плечами, а какъ рабъ на шеѣ.

⁸⁾ Какъ бѣдный солдатъ, у котораго нѣтъ другой посуды.

Въ лагерь иду, прощай и Венера, прощайте и дѣвы;
10. И у меня сила есть, есть для меня и труба.

Много сулю, но когда я въ гордости высказалъ много,
То запертая мнѣ дверь бойкія гонить слова,
Сколько ужъ разъ я клялся никогда не вернуться къ
порогу!

Какъ поклянусь хорошо, ноги-то сами несутъ.

15. Злобный Амуръ, о когда-бъ, если можно, твои мнѣ
доспѣхи,

Стрѣлы поломанными, факель потухшимъ узрѣть!

Ты скрутилъ бѣдняка меня, ты меня вынуждаешь

Вреднаго мнѣ же молить, рѣчи безумства держать.

Смертью бы кончилъ я зло, но легковѣрно Надежда

20. Жизнь охраняетъ и все лучшаго завтра сулитъ.

Земледѣльцевъ питаетъ Надежда, Надежда ввѣряетъ

Зерна браздамъ, чтобы ихъ съ лихвой загонъ возвратилъ;

Утѣшаетъ Надежда и плѣнниковъ въ тяжкихъ оковахъ—

Ноги желѣзомъ гремятъ, но надъ трудомъ онъ поетъ—

25. Милость Надежда сулитъ мнѣ Немезиды; та спорить.

Горе мнѣ, не побѣди, дѣва! богини въ борьбѣ.

Пощади, умоляю, сестры твоей юной костями;

Пусть опочіетъ въ землѣ нѣжная крошка легко.

Мнѣ священна она, на могилу ея приношеній

30. Я отнесу и вѣнковъ влажныхъ отъ слезъ пролитыхъ,

Я къ могилкѣ ея убѣгу и просителемъ сяду

И возропщу на свою праху нѣмому судьбу.

Изъ - за тебя, чтобы плакалъ кліѣнтъ, она не допу-
ститъ ³³⁾);

²⁰⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ въ этомъ мѣстѣ помѣщались 2 стиха, очевидно вставочные:

«Птицу ловить она петлею и удочкой рыбу,

Ежели тонкій крючокъ пищей сперва облечетъ».

³³⁾ Тибуллъ, пользовавшійся, какъ видно изъ этого мѣста, благо-

13 (IV, 13) II, а.

Эпиграмма.

- Ни одна твоего не лишитъ меня женщина ложа ¹⁾;
 Этимъ Венера впервой нашъ закрѣпила союзъ.
 Нравишься мнѣ ты одна, ни единая въ городѣ двѣ
 Не красива уже, кромѣ тебя, на мой глазъ.
5. О когда-бъ ты могла одному мнѣ казаться прекрасной!
 Только не нравься другимъ; я безопасенъ тогда.
 Зависть тутъ не нужна; прочь всѣ восхваленія черни ⁷⁾;
 Кто уменъ, тотъ молчкомъ радость питаетъ въ груди.
 Такъ прожить хорошо я могу и въ лѣсахъ отдаленныхъ,
10. Гдѣ человѣка стопа не пролагала тропы.
 Ты мнѣ въ заботахъ покой, ты свѣтъ мнѣ въ ночи
 самой черной,
 И въ безлюдныхъ мѣстахъ ты многолюдство мое.
 Если бы съ неба теперь посылалась подруга Тибуллу,
 Тщетно послали-бъ ее, съ ней бы Венерѣ не быть ¹⁴⁾,

13 (IV, 13 или 12). Въ предисловіи мы имѣли случай указать на мнѣніе, возникшее по поводу Горац. Од. I, 33, будто третьей возлюбленной Тибулла была Глицера и что два нижестоящихъ стихотворенія представляютъ первое—обращенную къ ней полную элегію, а второе—отрывокъ элегіи такого же содержанія. Но если принять въ соображеніе сомнѣнія, написана ли самая ода Горація, обращенная къ Альбію, дѣйствительно къ нашему Альбію Тибуллу, то все это измышленіе падаетъ само собою. Оба стихотворенія представляютъ небольшія эпиграммы, какія нерѣдко встрѣчаются и у другихъ поэтовъ.

¹⁾ Не заставитъ меня измѣнить тебѣ.

⁷⁾ Зависть стороннихъ въ удовлетвореніе моего самолюбія.

¹⁴⁾ Она бы не возбуждала во мнѣ любви.

15. Въ этомъ тебѣ я клянусь твоей Юноны святыней,
 Такъ какъ одну ее чту первой изъ всѣхъ я богинь.
 Что жъ я безумецъ творю? Вѣдь я свой залогъ
 уступаю ¹⁷⁾.
 Я поклялся безъ ума; былъ мнѣ на пользу твой страхъ.
 Станешь теперь ты смѣла, сильнѣй допекать меня
 будешь;
20. Это бѣднягѣ родилъ зло мой болтливый языкъ.
 Дѣлай что хочешь теперь, твоимъ навсегда я останусь,
 Не побѣгу, позабывъ службу своей госпожѣ,
 А ко святымъ алтарямъ Венеры присяду въ оковахъ ²³⁾:
 Злыхъ наказуетъ она, а до молящихъ добра ²⁴⁾.

14 (IV, 14) II, в.

Эпиграмма.

Носится говоръ, какъ будто грѣшить моя дѣва нерѣдко;
 Быть съ глухими теперь я бы ушами желалъ.
 Но безъ боли такимъ могу я внимать обвиненьямъ;
 Что ты томишь бѣдняка, говоръ жестокий?—Молчи.

¹⁵⁾ Юнона, охранительница супружескихъ союзовъ, была главнѣйшимъ божествомъ женщинъ.

¹⁷⁾ Залогомъ поэтъ называетъ тотъ страхъ, подъ которымъ находилась его возлюбленная, при неизвѣстности на счетъ его вѣрности.

²³⁾ Нося рабскія оковы, поэтъ не убѣжитъ, какъ бѣглый рабъ, въ случаѣ излишней жестокости своей госпожи, а будетъ сидѣть у алтаря богини любви и молить о покровительствѣ.

²⁴⁾ Богиня накажетъ злую госпожу и помилуетъ молящагося раба.

14 (IV, 14). Смыслъ этой небольшой эпиграммы не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій.

Элегіи современниковъ и знакомыхъ Тибулла, оказавшіяся между оставленными имъ рукописями.

15 (IV, 2) I. Сульпиція и Церинтъ.

Элегическій вѣнокъ.

Мощный Марсъ! Для твоихъ календъ Сульпиція въ блескъ ¹⁾);

15 (IV, 2). Элегіи 15 — 18 составляютъ одно цѣлое; за ними, послѣ небольшого вступительнаго стихотворенія 19, слѣдуютъ письма дѣвушки, которыя безъ сомнѣнія не предназначались къ обнародованію, но случайно сохранились и послужили, нынѣ неизвѣстному, творцу четырехъ элегій, основою. Сульпиція, принадлежавшая къ почтенному и знатному римскому семейству (ее считаютъ дочерью, упоминаемаго Гораціемъ въ сатирахъ I, 10, 86, Сервія Сульпиція и близкою родственницей Мессаллы), любила молодого и образованнаго юношу, не равнаго ей по происхожденію. Судя по имени Церинтъ, онъ былъ тонко образованнымъ грекомъ, проживавшимъ въ Римѣ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Сульпиція препобѣдила наконецъ сильное сопротивленіе родственниковъ и стала супругою любимаго человѣка. Долгое время эти элегіи и любовныя письма считались твореніями Тибулла. Въ новѣйшее время онъ признаны произведеніями современника и друга нашего поэта. Считаютъ, что онъ, подобно 3-й книгѣ обычныхъ изданій, послѣ внезапной смерти Тибулла, отыскались въ его рукописяхъ или въ семейномъ архивѣ Мессаллы. Дѣло въ томъ, что стихотворенія эти, написанныя въ духѣ Тибулла, вполне прелестны; хотя знатоки, по извѣстной неопытности въ стихосложеніи, заставляющей прибѣгать къ такъ называемымъ затычкамъ, и узнаютъ въ письмахъ дѣйствительно женскую руку Сульпиціи, но это въ нашихъ глазахъ не умаляетъ ихъ искренности и душевной прелести.

¹⁾ Въ календы Марса (Марта) наступало весеннее торжество Ма-

Полюбоваться съ небесъ, если ты смыслишь, сойди ²⁾.
Въ этомъ Венера простить; но ты, необузданный,
бойся,

Какъ бы оружья, взглянувъ, не уронить со стыдомъ.

5. Отъ очей ея, лишь захочетъ боговъ распалять онъ,
Факела оба свои злой зажигаетъ Амуръ.

Дѣло-ль затѣетъ она, иль куда обратится стопами,
Тайная прелесть во всемъ съ нею и слѣдомъ за ней ⁸⁾.
Ежели косы распустить, присталь ей распущенный
волосъ;

10. Если причешетъ, почеть ей и въ убранствѣ волосъ.

Воспламеняетъ, когда идетъ она въ тирскомъ по-
кровѣ ¹¹⁾;

Воспламеняетъ, когда въ платѣ бѣлѣ снѣговъ.

Только одна между дѣвъ достойна она, чтобы волну
Мягкую, дважды въ соку бывшу, Тиръ ей вручалъ ¹⁴⁾.

15. И чтобъ владѣла она всѣмъ тѣмъ, что съ полей бла-
говонныхъ,

Благоуханныхъ цвѣтовъ сниметъ богатый Арабъ ¹⁶⁾,

Да и камнями всѣми, что близкій къ восточному морю

троналій, въ честь Марса, самаго мужественнаго изъ боговъ, и великой покровительницы женщинъ Юноны. Въ этомъ торжествѣ могли участвовать только безупречныя женщины и дѣвы (сличи ниже 18, 1; 26, 1). Сульпиція появляется въ блескѣ праздничнаго убранства.

²⁾ Мы могли бы *si sapis* перевести буквально «если уменъ ты», но намъ показалось болѣе вѣрнымъ сомнѣніе въ пониманіи воинственнымъ Марсомъ женскихъ нарядовъ, чѣмъ сомнѣніе въ его умѣ.

⁸⁾ *Прелесть*, Десог здѣсь олицетворена.

¹¹⁾ Въ одеждѣ, крашенной тирскимъ пурпуромъ или отдѣланной пурпуровыми полосками.

¹⁴⁾ Шерсть, дважды крашенная тирскими и лаконскими красильщиками въ соку дорогихъ пурпурныхъ улитокъ, пріобрѣтая темно-красный цвѣтъ, цѣнилась на наши деньги свыше 300 р. за фунтъ.

¹⁶⁾ Арабъ здѣсь представитель Аравіи, славившейся благовоніями.

Черный индіецъ сберетъ съ красныхъ своихъ береговъ ¹⁸⁾.

Вотъ ее-то вы въ праздникъ календъ, Піериды, воспойте
20. И черепаховой, ты, лирой, властительный Фебъ;
Пусть этотъ праздникъ святой она многіе годы увидитъ;
Дѣвы достойнѣе нѣтъ, чтобы украсить вашъ хоръ.

16 (IV, 3).

Юношу ты моего пощади, въ равнинѣ ли тучныхъ
Пастбищъ, въ тѣни ли въ горахъ ты проживаешь,
кабанъ ²⁾,

И не точи ты своихъ опасныхъ клыковъ для сраженій!
Пусть мнѣ его сохранить, сторожъ надежный, Амуръ.

5. (7). Что за безумная мысль, холмы заросшіе сѣтью
Окружая, хотѣтъ нѣжныя руки терзать?
Что за радость тайкомъ въ логовища звѣрей проби-
раться

И въ колючихъ кустахъ бѣлыя ноги чертить?
Но коль съ тобою, Церинтъ, блуждать мнѣ дозволено
будетъ,

10. (12). То я сама по горамъ, сѣти свернувъ, понесу,
И сама я проворнаго слѣдъ распознаю оленя,
И желѣзный смычокъ скину я съ рѣзвыхъ собакъ.

¹⁸⁾ Древніе обзывали всѣ восточныя моря красными, т. е. окрашенными восходящею зарею Эось. Хотя подъ словомъ гемма и разумѣются драгоцѣнные каменья, но здѣсь очевидно надо подразумѣвать жемчугъ.

16 (IV, 3). Поэтъ описываетъ опасеніе Сульпиціи, по поводу охоты на кабановъ, въ которой ея возлюбленный принимаетъ участіе.

²⁾ вмѣсто прозаическаго обращенія къ кабану, дѣва прежде всего думаетъ о безопасности возлюбленнаго, затѣмъ представляетъ себѣ жилище страшнаго животнаго, и подъ конецъ только называетъ его по имени.

Туть-то мнѣ, туть-то лѣса понравятся, свѣтъ мой, съ тобою!

Пусть, что лежала съ тобой я у тенетъ, говорятъ;

15. (17). Туть подходитъ пускай къ сѣтямъ и нетронуть уходитъ,

Чтобы Венеры отрадъ не потревожилъ, кабанъ.

Нынѣ вдали отъ меня не вѣдай любви, а Діанѣ ¹⁷⁾

Вѣрный, будь чистъ ты и сѣтъ чистою трогай рукой;

Если жъ другая къ моей любви подбирается тайно,

20. (22). То попадись она злымъ на растерзанье звѣрямъ.

Ты же отцу своему предоставь заниматься охотой

И поскорѣ ко мнѣ самъ воротися на грудь.

17 (IV, 4).

Снизойди и болѣзнь изгони изъ дѣвушки нѣжной,

Снизойди ты, о Фебъ! пышный красою кудрей.

Вѣрь мнѣ, спѣши. Ты жалѣть, о Фебъ! нимало не будешь,

Что къ красотѣ прилагалъ силу врачебную рукъ.

5. Не позволяй худобѣ истощать поблѣднѣвшіе члены,

Цвѣту дурному не дай бѣлаго тѣла мрачить,

И все зло, что ни есть, все то, чего мы боимся,

Быстрымъ потокомъ пускай въ море уносить рѣка ⁸⁾.

¹⁷⁾ Если меня нѣтъ тамъ, то, по крайней мѣрѣ, не знай сторонней любви, а цѣломудренной рукой касайся сѣтей, какъ того требуетъ дѣвственная Діана.

17 (IV, 4). Эта небольшая элегія говоритъ о болѣзни Сульпиціи. Поэтъ молить Феба о помощи страдающей дѣвушкѣ и въ то же время утѣшаетъ ея возлюбленного Церинта, что Фебъ безъ сомнѣнія пошлетъ помощь.

⁸⁾ Пусть рука унесетъ или пусть вѣтеръ развеетъ, поговорки въ родѣ нашихъ: говоритъ на вѣтеръ или прахомъ поидетъ.

- Снизойди же, святой! приноси ты всякихъ снадобій
10. И заговоръ, гдѣ есть помощь ослабшимъ тѣламъ;
 Юношу ты не терзай, что жребія дѣвы страшится,
 И обѣщаній даетъ изъ-за нея безъ числа.
 То обѣщанья даетъ, то, такъ какъ дѣва страдаетъ,
 Дерзкія противъ боговъ онъ изрекаетъ слова.
15. Полно бояться, Церинтъ! вѣдь богъ не обидитъ влюб-
 ленныхъ:
 Только любить продолжай: дѣва спасется твоя.
 Плачь бесполезенъ теперь; и слезы нужнѣй тебѣ
 будутъ,
 Если въ грядущемъ она станетъ къ тебѣ холоднѣй.
 Нынѣ-жъ, она вся твоя, тебя одного она честно
20. Помнить, и тщетно толпа съ темной надеждой сидитъ.
 Фебъ! умилися; хвала тебѣ воздастся большая,
 Ежели, тѣло одно спасши, ты двухъ оживишь ²²⁾.
 Будешь прославленъ и радостенъ, какъ обѣщанія ста-
 нутъ
- Другъ передъ дружкой къ святымъ оба нести алтарямъ.
25. Тутъ счастливымъ тебя назоветъ все собранье без-
 смертныхъ,
 И пожелаетъ владѣть каждый искусствомъ твоимъ.

²⁰⁾ Легкомысленная толпа обожателей предается тщетнымъ надеждамъ на благосклонность дѣвушки.

²²⁾ Больную дѣвушку и ея возлюбленнаго.

²⁵⁾ Сами боги назовутъ тебя счастливымъ за спасеніе двухъ чело-вѣкъ и позавидуютъ твоему врачебному искусству.

Та-жъ про себя о другомъ молится, вся ужъ твоя.
 Ибо пылаетъ она, какъ пышущій пламень алтарный,
 И не желала-бъ, хоть будь можно, здоровою стать ¹⁸⁾.
 Милость, богиня! пошли, чтобъ съ новымъ вернувшимся
 годомъ

20. Та же, что нынѣ въ мольбахъ, стала безсмѣнной любовь.

Прибавленіе.

19 (IV, 7).

Пять любовныхъ писемъ Сульпиціи къ Церинту вмѣстѣ со вступленіемъ.

Вотъ и явилась любовь, которую меньше бы славно
 Было скрывать, чѣмъ ее передъ другимъ обнажать ²⁾.
 Внявши моленьямъ моихъ Камень, его Цитерея ³⁾
 Привлекла, и ко мнѣ здѣсь положила на грудь.

¹⁸⁾ Исцѣлиться отъ любви.

19 (IV, 7). Это небольшое стихотвореніе является введеніемъ къ послѣдующимъ любовнымъ письмамъ Сульпиціи. Дѣвушка говоритъ, что она, наконецъ, нашла возлюбленнаго, который вполне ее достоинъ и котораго любить она не стыдится.

²⁾ Явно, что это небольшое предисловіе къ письмамъ Сульпиціи написала уже въ концѣ писемъ. Самыя письма представляютъ какъ бы задушевный дневникъ, который она надѣется при свиданіи передать своему возлюбленному, но не рѣшается посылать ихъ путемъ обыкновенныхъ записокъ, чтобы ихъ не прочелъ кто-либо раньше Церинта. Гордая своимъ выборомъ и взаимной любовью такого развитаго юноши, она находитъ, что скрывать такое честное чувство къ истинно достойному юношѣ было бы безславнѣе, чѣмъ его высказывать.

³⁾ Цитерея (Венера), внявши моленьямъ моихъ Камень (Музы), тронутая содержаніемъ моихъ стихотвореній, побѣдила въ мою пользу сердце Церинта.

5. Все обѣщанье Венера исполнила; пусть мою радость
 Тотъ передастъ, кто своей, какъ говорятъ, не имѣлъ.
 Я ничего посылать не хочу въ запечатанныхъ письмахъ,
 Я-бъ не хотѣла, чтобъ кто раньше его ихъ прочелъ.
 Мнѣ же пріятенъ мой грѣхъ, противно носить мнѣ личину
 10. Изъ-за молвы; знай она, стою достойнаго я.

20 (IV, 8).

- Близится день ненавистный рожденья, его безъ Церинта
 Въ скучной деревнѣ одной въ грусти придется провести.
 Что отраднѣе города? Кстати ли дѣвѣ деревня
 И въ Арретинскихъ поляхъ рѣчки холодной потокъ? ⁴⁾
 5. Ты ужъ, Мессалла! уймись, обо мнѣ ты безмѣрно хлопчешь,
 И перестань толковать про своевременный путь.
 Хоть увезешь меня, здѣсь я душу и чувства оставлю,
 Если ужъ ты не даешь жить, какъ желала бы я.

¹⁰⁾ Мнѣ пріятно сознавать, что, вопреки всякимъ толкамъ о неравенствѣ моего брака, молва вынуждена будетъ сказать, что я была достойна такого достойнаго юноши.

20 (IV, 8). Мессалла, родственникъ Сульпиціи, а быть-можетъ и опекунъ ея, пригласилъ дѣвушку провести нѣкоторое время въ его имѣніи близъ Арреціума, нынѣшняго Arezzo въ Тосканѣ. Хотя прежде это было ей весьма пріятно, но на этотъ разъ отправляться туда было для нея мучительно, потому что остававшійся въ Римѣ возлюбленный долженъ былъ въ скорости справлять день своего рожденія.

⁴⁾ Въ числѣ деревенскихъ прелестей ей, вѣроятно, восхваляли верховье рѣки Арно за чистую и холодную воду.

21 (IV, 9).

Знаешь ли, грустный нашъ путь съ души у дѣвы
свалился?

Въ Римѣ возможно провести день мнѣ рожденія твой,
Пусть мы всѣ этотъ день проведемъ съ такимъ же
весельемъ,

Какъ неожиданно къ тебѣ волей судьбы онъ пришелъ ⁴⁾.

22 (IV, 10).

Мнѣ пріятно, что ты со мною себѣ позволяешь
Вольность такую, чтобъ мнѣ съ вѣрой слѣпой не упасть ²⁾.

21 (IV, 9). Не смотря на отчаяніе, выраженное въ предшествующемъ письмѣ, по поводу своего невольнаго отсутствія изъ Рима въ день рожденія Церинта, Сульпиція все-таки успѣла отдѣлаться отъ поѣздки въ имѣніе Мессаллы. Здѣсь она съ восторгомъ увѣдомляетъ объ этомъ своего возлюбленнаго.

⁴⁾ Мы тебя любящіе такъ-же весело проведемъ этотъ день, какъ и ты, совершенно не ожидавшій такого счастливаго торжества.

22 (IV, 10). Сульпиція, вѣроятно, услыхала отъ родныхъ и знакомыхъ, которымъ между прочимъ далеко была не по душѣ ея любовь къ человѣку, неравному ей по происхожденію, что образованіе и самая вѣрность Церинта сомнительны. Сама она этому не вѣритъ, но пользуется случаемъ сообщить возлюбленному то, что заочно говорится ко вреду ихъ любви.

Смысль стихотворенія слѣдующій:

Если бы было правдой, что ты предпочитаешь низкую и несчастную служанку Сульпиціи, дочери Сервія, то, будь увѣренъ, что у меня найдутся родные и друзья, которые изъ участія ко мнѣ удержатъ меня отъ неравнаго брака.

²⁾ Я благодарна, что заблаговременной вольностью поведенія ты открываешь мнѣ глаза и не даешь погибнуть, вступивъ со слѣпою вѣрой въ несчастный бракъ.

- Пусть помышляешь ты больше о тогѣ и пряхѣ убогой ³⁾,
 Чѣмъ о Сульпиціи, что знатнаго Сервія дочь;
 5. Тѣ озабочены мной, которымъ больна она очень,
 Чтобъ я изъ знати такой къ темному ложу не шла ⁶⁾.

23 (IV, 11).

- Есть-ли къ дѣвѣ своей, Церинтъ! въ тебѣ состраданье,
 Что разслабляющій жаръ тѣло мнѣ нынѣ томить?
 Ахъ! не иначе бы я побѣдить всѣ недуги желала,
 Какъ при мысли, что ты хочешь того же и самъ.
 5. А какая-жъ мнѣ польза болѣзнь побѣдить, если можешь
 Ты со спокойной душой вынести страданья мои?

24 (IV, 12).

- Хоть бы не быть мнѣ, мой свѣтъ! столь страстно тебѣ
 вождельной,
 Какъ за нѣсколько дней я, мнѣ казалось, была,

³⁾ Либертины носили болѣе короткую тунику и сверхъ ея короткую накидку, называвшуюся, какъ и мужская верхняя одежда, тогою. Почетныя женщины кромѣ того носили длинную, до пять доходящую, столу, а выходя изъ дому, надѣвали сверхъ такую же длинную накидку, паллу. И такъ слово тога въ настоящемъ мѣстѣ равносильно продажной женщинѣ.

⁶⁾ Темному: незнатному.

23 (IV. 11). Сульпиція, страдая лихорадкой, обращается къ Церинту съ этимъ письмомъ, не требующимъ дальнѣйшихъ толкованій.

24 (IV, 12). Сульпиція назначила наканунѣ ночное свиданіе своему возлюбленному, но не явилась изъ боязни не удержать своей любви въ подобающихъ границахъ. Въ такой малой власти надъ собою она проситъ прощенія у возлюбленнаго.

Ходъ мыслей слѣдующій: пусть ты не любишь меня такъ страстно,

- Ежели я не скажу, что не дѣлала въ юности цѣлой
 Глупости, въ коей бы я каялась болѣе той,
 5. Что я вчера одного тебя оставила ночью,
 Изъ желанія скрыть только мой собственный жаръ.

25 (II, 2). II.

Поздравленіе.

- Скажемъ мы добрыхъ рѣчей къ алтарямъ—насталъ
 день рожденья;
 Кто ни предсталъ бы тутъ: мужъ, женщина-ль, молча
 молись ²⁾.
 Набожно ладанъ зажжемъ на угляхъ, зажжемъ благо-
 вонья,
 Что изъ богатой земли нѣжный прислалъ намъ Арабъ ⁴⁾.
 5. Пусть самъ Геній сойдетъ, свои чтобы почести видѣть,
 Мягкимъ украсивъ вѣнкомъ кудри святыя свои ⁶⁾.
 Пусть съ висковъ у него чистѣйшій нардъ заструится ⁷⁾,
 Пусть приношеньями онъ сытъ и наполненъ виномъ,

какъ это мнѣ недавно казалось, если я не выскажу передъ тобой
 раскаянія въ величайшей глупости моей жизни, а именно: что не
 пришла на ночное свиданіе подъ давленіемъ моихъ опасеній.

25 (II, 2). Это поздравленіе со днемъ рожденія нашлось, подобно
 другому чуждому, между рукописями Тибулла и вставлено было изда-
 телемъ, какъ ему казалось, въ подобающемъ мѣстѣ. Относя поздра-
 вленіе къ Церинту, онъ измѣнилъ и самое имя Корнута, къ которому
 обращалось стихотвореніе.

²⁾ Воздерживайте на молитвѣ языкъ отъ чего-либо неподобающаго.

⁴⁾ Изнѣженный Арабъ.

⁶⁾ Поэтъ желаетъ, чтобы Геній въ знакъ своего благоволенія
 украсилъ свои кудри вѣнкомъ.

⁷⁾ При появленіи Генія стануть воздавать ему почести, начиная
 съ благовоній.

- И тебѣ пусть кивнетъ, Корнуть! утверждая моленья.
10. Ну же, чего-жъ ты стоишь? Если кивнулъ онъ: проси,
Предвѣщаю, любви ты вѣрной попросишь супругѣ;
Думаю вѣдомо то самымъ богамъ наизустъ.
Не предпочтешь же ты нивъ, какія по цѣлому свѣту
Пашетъ оратай, силачъ, на здоровенномъ волѣ,
15. Или и всѣхъ жемчуговъ, что родятся у индовъ счаст-
ливыхъ,
Тамъ, гдѣ эосскимъ лучомъ рдѣетъ морская волна ¹⁶⁾.
Вняты мольбы: посмотри, какъ на трепещущихъ
крыльяхъ
Для супруговъ несетъ желтыя узы Амуръ! ¹⁸⁾
Узы, которымъ всегда пребывать, хоть лѣнивая ста-
рость
20. Уже морщинъ наведетъ и посребритъ волоса.
День рожденія—дѣда сойди; позаботься о внукахъ ²¹⁾.
Чтобы у ногъ здѣсь твоихъ сонмъ заигралъ новичковъ.

¹⁰⁾ Предъ лицомъ низошедшаго Генія поэтъ приглашаетъ Корнута просить желаемого.

¹⁶⁾ См. 15, 18.

¹⁸⁾ Амуръ несетъ желтую ленту, эмблему прочной любви; *желтый* цвѣтъ вообще былъ у римлянъ цвѣтомъ радости и особенно при брачныхъ торжествахъ. Амуръ и Гименей были въ туникахъ этого цвѣта.

²¹⁾ Согласно чтенію Фабриціуса *genialis avis*, надо бы перевести:

«Дня рожденія птица явись»;

но мы перевели по прежнему тексту *avi*, во-первыхъ, потому, что указаніе въ предыдущемъ стихѣ на морщины и сѣдины прямо наводитъ на дѣда, которому вслѣдъ за тѣмъ же поэтъ желаетъ внуковъ, а благопріятная дню рожденія птица и въ самомъ оригиналѣ вылетаетъ слишкомъ неожиданно, тѣмъ болѣе для русскаго читателя.

26 (III, 1). III. Неэра.

Римскаго Марса уже въ торжествѣ наступили календы—¹⁾

Тутъ у нашихъ дѣдовъ году починъ наставалъ,—²⁾

И отовсюду теперь подъ вѣрной охраной подарки

Мчатся вдоль улицъ градскихъ и по отдѣльнымъ
домамъ.

5. Вы, Піериды! скажите, какой изготовить подарокъ

Хоть моей, хоть и нѣтъ, милой Неэръ межъ тѣмъ.

26 (III, 1). Эта и слѣдующія пять элегій представляютъ цѣлое и обращаются къ возлюбленной поэта, которую онъ называетъ Неэрою. Долгое время и эти стихотворенія считались произведеніями Тибулла, пока Іоаннъ Генрихъ Фоссъ въ 1786 году доказалъ несостоятельность такого мнѣнія, но въ свою очередь зашелъ слишкомъ далеко и счелъ, упоминаемаго въ концѣ второго стихотворенія, *Лигдама* авторомъ этихъ произведеній. Вслѣдствіе этого во многихъ изданіяхъ стихотворенія эти приписаны Лигдаму, хотя ихъ приписывали даже Овидію. Для правильнаго пониманія цѣлаго надо помнить слѣдующее. Лигдамъ, римлянинъ изъ хорошаго семейства, былъ обрученъ съ Неэрою, согласно желанію ея родителей, но не нашелъ въ ней къ себѣ сочувствія, а напротивъ, былъ оттѣсненъ человѣкомъ низко стоящимъ, котораго Неэра страстно любила. Тѣмъ не менѣе онъ пытался овладѣть сердцемъ обрученной ему дѣвушки, посредствомъ стихотвореній и увѣреній въ непоколебимой любви своей. Что отношенія ихъ не заходили далѣе обрученія, видно изъ того, что о бракѣ говорится въ смыслѣ его заключенія, а не возобновленія. (Сличи 26, 6 и 26; 28, 7 и 31). А слова: мужъ, жена — новобрачная, употребляемая про ихъ прежнія отношенія, ничего не доказываютъ, такъ какъ у лириковъ они безразлично употреблялись про всякаго рода любовныя отношенія.

¹⁾ Въ *Календы Марса* (см. 15, 1) друзья, родные и влюбленные приносили другъ другу подарки.

²⁾ Новый годъ только около 150 года до Р. Х. сталъ считаться съ 1-го января, тогда какъ до того времени считался съ 1-го марта.

Пѣсня красивая пусть—на деньги вѣдь алчныя падки!
Радостна ей, какъ она этихъ достойна стиховъ.

Но золотистый покровъ пусть бѣлую книжку одѣнетъ ⁹⁾,

10. Пемза пусть прежде съ него волосъ бѣлесый снесетъ,
Самый же верхъ пускай прикроется тонкой бумагой,
Чтобы буква на ней имя казала мое,

А посреди двухъ концовъ рога пусть свѣтлые видны;
Ибо въ убранствѣ такомъ слѣдуетъ трудъ мой послать.

15. Вы, внушившія мнѣ эту пѣснь, умоляю я вами
И кастальскую тѣнь и озера Піеридъ,
Въ домъ къ ней идите и ей подарите нарядную книжку,
Какъ она есть; чтобъ нигдѣ краска съ нея не сошла.
Мнѣ расскажетъ она взаимно ли наше влеченье,

20. Въ памяти ль я у нея, иль всей душой позабыть.

Но по заслугѣ сперва ей благъ пожелайте надолго

И шепните слегка самыя эти слова:

«Это когда-то твой мужъ, нынѣ братъ твой, дѣва
Неэра,

Шлетъ и просить, чтобъ ты малый сей даръ приняла.

25. Ты ему мозга костей, такъ онъ клянется, дороже,

Будь ты супругой ему въ будущемъ или сестрой.

Лучше супругой однако; надежды на это названье

Мертваго только лишитъ блѣдная Диса вода». ²⁸⁾

⁹⁾ Здѣсь начинается описаніе красивой пѣсни. Золотисто-желтый пергаментъ, первоначально очищенный пемзою отъ бѣлесыхъ волосъ, пусть одѣваетъ книжку изъ бѣлой бумаги, у которой верхній край прикрытъ тонкою бумагой съ изображеніемъ начальной буквы фамиліи стихотворца. Украшенія на обоихъ концахъ скалки, къ которой прикрѣплялся свитокъ, и которыя по нашему слѣдовало бы назвать шишками или головками, назывались рогами.

¹⁵⁾ Поэтъ снова, какъ и ст. 5, обращается къ Музамъ и довольно скучновато поминаетъ и кастальскую тѣнь, и озера Піеридъ.

²⁸⁾ *Дисъ*—римское прозваніе Плутона, подземнаго Зевеса.

27 (III, 2).

Кто у юноши первый милую вырвалъ, у дѣвы
 Милаго юношу, былъ съ сердцемъ желѣзнымъ рождень.
 Твердъ былъ и тотъ, кто могъ перенести подобное горе
 И, супруги лишась, все оставаться въ живыхъ ⁴⁾).

5. Я же на это не твердъ, такая терпимость не въ
 нашемъ

Духъ; великая скорбь рветъ и сердца силачей.
 Я не стыжусь говорить правду и въ жизни сознаться,
 Что такъ много дала грустнаго мнѣ испытать.
 Вотъ, когда превращень уже въ тѣнь я воздушную
 буду,

10. И засыплеть зола бѣлая кости мои,
 Пусть ко мнѣ подойдетъ, въ волосахъ неподобранныхъ,
 длинныхъ,

И въ слезахъ предъ моимъ станетъ Неэра костромъ.
 Но придетъ она пусть съ опечаленной матерью милой;
 Та о зятѣ скорбѣтъ, эта о мужѣ скорбѣтъ.

15. Къ Манамъ воззвавши моимъ и душу мою обозвавши,
 Благочестиво возливъ на руки прежде воды,
 Пусть все то, что еще у меня отъ тѣла осталось,
 Въ черныхъ одеждахъ, онѣ бѣлая кости сберутъ,
 И, собравъ ихъ, сперва окропятъ многолѣтнимъ лѣемъ ¹⁹⁾,

20. А бѣлоснѣжнымъ затѣмъ тщатся полить молокомъ,
 Послѣ того отереть полотномъ на нихъ тонкимъ всю
 влагу,

27 (III, 2). Поэтъ изображаетъ, до какой степени ему невозможно перенести разлуку съ возлюбленной; онъ собирается умереть и говорить, какъ бы онъ желалъ быть погребенъ Неэрою и ея матерью. Цѣлое рассчитано на возбужденіе къ себѣ состраданія милой.

⁴⁾ *Супруги* — той же Неэры.

¹⁹⁾ *Многолѣтнимъ*, цѣннымъ виномъ.

И сухими уже въ мраморный домъ положить ²²⁾
 Пусть туда же дары, что богатая шлетъ намъ Панхая
 И арабскій востокъ или Ассиріи тукъ ²⁴⁾,

25. Со слезами, мнѣ въ память упавшими, вмѣстѣ со-
 лются;

Такъ схороненнымъ я быть, въ прахъ обращенъ бы
 желалъ.

Но причину печальную смерти пусть надпись вѣщаетъ,
 И вотъ эти стихи съ видной гласятъ стороны:

«Здѣсь Лигдамъ положенъ; ему грусть и тоска по Неэръ,

30. Вырванной рокомъ женѣ, смерти причиной была».

28 (III, 3).

Гдѣ же прокъ, что мольбами я небо наполнилъ, Неэра? ¹⁾
 И ѳиміамомъ куря, много молитвъ возносилъ,

²²⁾ Мраморнымъ домомъ можетъ быть саркофагъ, самый памятникъ и даже урна.

²⁴⁾ *Панхая*—островъ въ южномъ океанѣ, противъ береговъ Счастливой Аравіи, изобильный золотомъ, серебромъ и благовоніями, почему и названъ здѣсь богатымъ.

28 (III, 3). Въ горести, по причинѣ разлуки съ милой, поэтъ желаетъ жить съ нею вмѣстѣ или умереть. Порядокъ мыслей слѣдующій: я молю боговъ, но не такъ, какъ большая часть людей, о богатствѣ и роскоши, а о томъ, чтобы проводить жизнь, хотя бы небогатую, близъ возлюбленной. Въ этомъ да помогутъ мнѣ Юнона (богиня брака) и Венера. Если же въ этой просьбѣ враждебный богъ или Судьба и неумолимые сестры (Парки) откажутъ, то пусть стану я добычей смерти. Чтобы привести грустные слова отвергнутаго влюбленнаго въ правильную послѣдовательность, которая въ прежнихъ изданіяхъ являлась совершенно расторгнутой, Фабриціусъ ставитъ послѣдніе шесть стиховъ, съ обозначеніемъ первобытныхъ ихъ мѣстъ, въ томъ порядкѣ, который сохраненъ и въ нашемъ переводѣ.

¹⁾ *Небо наполнилъ*—возсылалъ множество молитвъ.

20. Кроется, чаще всего ложное любить народъ.

Не облегчаетъ богатство ни мыслей людскихъ, ни
заботы;

Ибо Фортуна ведетъ міръ по законамъ своимъ.

Пусть отрадна съ тобою мнѣ бѣдность будетъ, Неэра!

А безъ тебя никакихъ царскихъ даровъ не хочу.

25. (29). Мнѣ не нужно ни царствъ, ни лидійской рѣки
златоносной,

Ни богатствъ, сколько ихъ кругъ умѣщаетъ земной.

Этого алчутъ другіе, пускай, а мнѣ безъ опаски,

Въ бѣдности лишь бы пришлось милой супругой вла-
дѣть.

Низойдя и внемли, Сатурнія! скромнымъ молениямъ ²⁹⁾,

30. (34) Также, на раковинѣ сидя, Киприда! внемли.

(25). О, бѣлоснѣжный разсвѣтъ, что могъ бы тебя возвра-
тить мнѣ ³¹⁾,

(26). О, счастливѣйшій мнѣ второе и вчетверо день!

(27). Но, если сколько бы я ни молился о сладкомъ воз-
вратѣ,

(28). Слухъ отклоня бы не внялъ мнѣ непріязненный богъ,

35. Иль запретили возвратъ Судьбы и печальныя Сестры,

Тѣ, что основу прядутъ, что и грядущее ткутъ,

Пусть меня кличетъ къ рѣкамъ и къ темному озеру
Диса ³⁷⁾

Блѣдный Оркъ со своихъ медленно плещущихъ водъ.

²⁵⁾ Пактоль.

²⁹⁾ Сатурнія—Юнона.

³¹⁾ Вмѣсто «о свѣтлый день, могущій мнѣ тебя возвратить», поэтъ говоритъ «бѣлоснѣжный разсвѣтъ».

³⁷⁾ Дисъ, одно изъ именъ Плутона, равно какъ и Оркъ; но Оркъ имѣетъ еще и общее значеніе, какъ подземное царство. Здѣсь подземное царство кличетъ поэта къ водамъ Диса.

29 (III, 4).

Боги, намъ лучшее дайте, чтобъ сны мои правдой не
вышли ¹⁾),

Тѣ, что грозили бѣдой мнѣ во вчерашней ночи.

Прочь къ довѣрчивымъ вы и лживый свой видъ
отвратите,

Опытнымъ вѣру въ себя вы откажитесь внушать.

5. Правду боги гласятъ и, жребій впередъ возвѣщая,
Внутренность правду гласить, явную тусскимъ му-
жамъ ⁶⁾);

Безразсудные сны играютъ обманчиво ночью,

И пугливымъ умамъ тщетно страшиться велятъ.

Родъ же ничтожный людской ублажить все вѣщее ночи

10. Набожно хочетъ мукой, скачущей солью притомъ?

И однако, хотя бѣ и правду изъ нихъ узнавали,

29 (III, 4). Это послѣднее изъ стихотвореній, посланныхъ поэтомъ въ подарокъ возлюбленной Неэръ въ календы Марса; и оно должно способствовать достиженію цѣли влюбленнаго. Въ этихъ видахъ сообщаетъ онъ ей мнимо видѣнный имъ прошлою ночью сонъ, въ которомъ ему было сообщено, что его возлюбленная, отвернувшись отъ него, обратила свое сердце къ другому. Тѣмъ не менѣе Аполлонъ посоветовалъ ему обратиться съ новыми мольбами къ Неэръ и даже передать ей, что примиреніе ея съ поэтомъ желательно самимъ богамъ.

¹⁾ Обрадуйте чѣмъ-нибудь лучшимъ, чѣмъ исполненіе сна, грозящаго бѣдою.

⁵⁾ Необманчивые сны указываютъ на правду, которую возвѣщаютъ только боги.

⁶⁾ Да тусскіе (этрусскіе) гадатели по внутренностямъ.

¹⁰⁾ Мысль, что легковѣрные люди хотятъ унять зловѣщія предсказанія сновъ набожнымъ сожиганіемъ муки и соли, поставлена у нашего Фабриціуса со знакомъ вопроса, выражающимъ насмѣшливое недоумѣніе. Далѣе поэтъ говоритъ: если бы сны и говорили правду или люди хотѣли имъ вѣрить, то пусть.

Или хотѣлось бы имъ лживому сну довѣрять;
 Пусть Люцина пустыми содѣлаетъ ужасы ночи ¹³⁾
 И пожелаетъ, чтобъ я тщетно испугъ перенесъ,
 15. Если мой умъ никакимъ сознаньемъ дурного не сдa-
 вленъ

И не затронулъ боговъ мой злочестивый языкъ.
 Ужъ воздушную высь проѣхавъ на черной четверкѣ ¹⁷⁾,
 Ночь въ волнахъ голубыхъ вымыла диски колесъ,
 Но усыпить не успѣлъ меня богъ полезный скорбящимъ,
 20. Сонъ не подходитъ къ домамъ, гдѣ обитаетъ печаль,
 Но подъ конецъ, какъ Фебъ съ вершины Эты про-
 глянулъ,

Очи усталому мнѣ сонъ запоздалый смежилъ.
 Юношу я увидалъ: цѣломудрымъ лавромъ вѣнчанный ²³⁾,
 Онъ въ обитель мою тихой ногою вступилъ.
 25. Благообразнѣй его ничего и въ минувшее время
 Не было, и не людской онъ красотою блисталъ.
 Пышные волосы вдоль по затылку его рассыпались,
 Съ русыхъ струились кудрей капли сирійской росы ²⁸⁾,
 Свѣтъ отъ него исходилъ, какъ свойственъ лунѣ онъ
 Латоны ²⁹⁾,

30. На бѣлоснѣжномъ его тѣлѣ пурпурный отливъ,

¹³⁾ *Люцина*, здѣсь не Геката, а Юнона, покровительница брака, отведеть грозныя предсказанія.

¹⁵⁾ Если я не сдѣлалъ дурного и не богохульствовалъ.

¹⁷⁾ Начинается описаніе сна. Подобно Фебу, проѣзжающему въ колесницѣ все небо днемъ, и ночь пробѣгаетъ на вороной четверкѣ небесное пространство и купаетъ усталую въ волнахъ океана.

²⁰⁾ Общее замѣчаніе: несчастные не спятъ.

²³⁾ *Цѣломудрымъ* названъ лавръ по Дафнѣ, бѣжавшей отъ объятій Феба (Превр. Ов. I, 452).

²⁸⁾ Восточныхъ благовоній.

²⁹⁾ Луна (Діана), дочь Латоны.

³⁰⁾ Отъ блеска, изъ него исходящаго.

- Какъ у невѣсты, впервой приведенной къ юношѣ мужу,
 Нѣжныя щеки горять на воспаленномъ лицѣ,
 Или когда амарантъ соплетаютъ дѣвы съ лилеей
 Бѣлой, плъ въ осень начнетъ яблокъ краснѣть бѣлизна.
35. Край одежды его виднѣлся до пятъ опускаясь,
 Съ тѣла блестящаго весь ровный спускался покровъ.
 Рѣдкостный даръ мастерства, блестя черепахой и
 златомъ,
 Слѣва висѣла при немъ звонкая лира его.
 Тотчасъ на ней забряцалъ онъ плектромъ изъ кости
 слоновой ³⁹⁾
40. И счастливую пѣснь голосомъ звонкимъ запѣлъ;
 Но когда ужъ персты, согласуясь съ устами, пропѣли,
 Сладкой рѣчью сказалъ грустныя мнѣ онъ слова:
 «Здравствуй, любимецъ боговъ; на чистыхъ поэтовъ не
 даромъ
 «Фебъ благосклонно и Вакхъ и Піериды глядятъ.
45. «Но рожденный Семелою Вакхъ и премудрыя Сестры
 «Знать не въ силахъ, что часъ будущій намъ при-
 несетъ;
 «Мнѣ же законы судебъ и все, что въ жизни грядущей
 «Совершится, отецъ силу прозрѣть даровалъ.
 «Вотъ почему ты внемли, что скажу, предсказатель
 нелживый,
50. «Что вѣщаю я, богъ Цинтій, въ правдивыхъ рѣчахъ:
 «Та, что милѣе тебѣ, чѣмъ матери дочь ей родная,
 «Чѣмъ тому, кто влюбленъ, милая дѣва его,
 «Та, за которую ты умоляешь небесныя силы,
 «Та, что тебѣ не даетъ дня беззаботно прожить,
55. «И, когда тебя сонъ покрылъ завѣсою черной,
 «Рядомъ видѣній ночныхъ слабого вводитъ въ обманъ,

³⁹⁾ Плектръ или плектронъ, палочка, которой играли на лирѣ или цитрѣ.

- «Славная въ пѣсняхъ твоихъ и красотою Неэра
 «Мужа иного уже хочетъ возлюбленной стать,
 «Въ нечестивомъ умѣ другія мятутся заботы,
 60. «И Неэръ не милъ бракъ въ непорочномъ дому.
 «О жестокой ихъ родъ и женщинъ невѣрное племя!
 «Та пропадай, что въ обманъ мужа искусна вводитъ.
 «Все-жъ ее можно смягчить — у нихъ переменчивы
 мысли—
 «Только съ усердной мольбой руки ты къ ней воздѣвай.
 65. «Злой Амуръ научилъ тяжелымъ трудамъ предаваться,
 «Злой Амуръ научилъ даже удары терпѣть.
 «Что когда-то я пасъ коровъ бѣлоснѣжныхъ Адмета,
 «Это не сказка совсѣмъ ради забавы пустой.
 «Я наслаждаться тогда не могъ ни лирой пѣвучей,
 70. «Ни подходяще къ струнамъ голосомъ звуки вести,
 «А на скважистой флейтѣ старался искать я напѣвы,
 «Я и Латоны самой да и Юпитера сынъ.
 «Ты не знаешь любви, о юноша, если не хочешь
 «Гнѣвной терпѣть госпожи или супружескихъ ссоръ.
 75. «Не сомнѣвайся же ты взывать съ тоскою влюбленной,
 «Твердую грудь побѣдить нѣжная можетъ мольба.
 «Ежели правду гласятъ въ священныхъ оракулы
 храмахъ,
 «То во имя мое эту ей рѣчь передай:
 «Въ этомъ супружествѣ самъ тебѣ Делій счастье про-
 рочить ⁷⁹⁾,
 80. «И потому откажись мужа иного желать».
 Рекъ, и сонъ соскочилъ у меня расслабляющій съ
 тѣла.
 Ахъ! я несчастій такихъ видѣть опять не могу!
 Я бъ не повѣрилъ, что ты вопреки моимъ мыслямъ
 желаешь,

⁷⁹⁾ Делосскій Аполлонъ.

- И что въ груди у тебя скрыто подобное зло.
85. Ибо родили тебя не воды широкаго моря,
 Не Химера, что злой пастью пускаетъ огонь ⁸⁶⁾,
 И не песь, что увить на затылкѣ змѣиною кучей,
 У котораго три языка при тройной головѣ,
 И не Сцилла, что дѣвственный ликъ опоясала псами ⁸⁹⁾,
90. И не злая тебя львица, зачавъ, понесла.
 Родила не земля тебя скиѳовъ, не Сырть вредоносный,
 А образованный домъ, гдѣ загрубѣлымъ не жить,
 И передъ всѣми другими твоя кротчайшая мать
 И отецъ, какъ найти трудно любезнѣй кого.
95. Пусть жестокіе сны на лучшее богъ перемѣнитъ
 И безъ послѣдствій велитъ теплomu Ноту ихъ мчать ⁹⁶⁾.

30 (III, 6).

Либеръ пресвѣтлый сойди, — и будь съ таинственной
 вѣчно

⁸⁶⁾ *Химера*, дочь Тифона и Эхидны, у Гомера спереди левъ, въ серединѣ коза и драконъ на послѣдокъ, и изрыгаетъ пламя.

⁸⁹⁾ Сцилла, по поясъ носящая ликъ прекрасной женщины, ниже окружена страшными псами, и затѣмъ тѣло оканчивается рыбьимъ или драконовымъ хвостомъ.

⁹⁶⁾ *Ноту*, теплomu южному вѣтру.

30 (III, 6). Не смотря на то, что поэтъ въ прекрасномъ переплетѣ поднесъ эти четыре стихотворенія 1-го марта своей возлюбленной, съ цѣлію смягчить ея жестокость, безхарактерный поэтъ остался не-услышаннымъ. Горе свое онъ ищетъ утопить въ винѣ и по этому случаю приглашаетъ друзей. Тутъ, давая волю чувствамъ, онъ про-кликаетъ неумолимую, но по безхарактерности тотчасъ же беретъ назадъ свои слова и, сознавая безумство любовныхъ мученій, воспоминаетъ о непостоянствѣ женщинъ, которое надо переносить. Наконецъ, вино беретъ свое и смягчаетъ его горе.

Ты лозой, и плющомъ будь ты увѣнчанъ всегда ²⁾).

Самъ съ меня ты, отецъ! сними и врачуй мое горе;

Часто предъ даромъ твоимъ никла, смиряясь, любовь ⁴⁾).

5. Милый мальчикъ! пусть Вакхъ благородный наполнить
бокалы,

Ты наклоненной рукой смѣло Фалерна намъ лей.

Прочь, жестокая ты порода заботъ и печалей!

Бѣлыми птицами пусть Делій сегодня блескитъ ⁸⁾,

Вы-жъ, дорогіе друзья, на мои согласитесь затѣи,

10. Не откажитесь никто мнѣ помогать какъ вождю;

Ежели кроткой борьбы виномъ кто-нибудь не захочетъ,

Пусть дорогая его дѣва обманетъ тайкомъ *).

.

.

Кротость внушаетъ сердцамъ этотъ богъ, смирялъ онъ
надменныхъ,

И во власть госпожи онъ предавалъ ихъ не разъ,

15. Тигровъ армянскихъ онъ побѣждалъ и львицъ золо-
тистыхъ

И непокорнымъ давалъ мягкія чувствомъ сердца.

Все это можетъ Амуръ и больше. Но Вакха просите

Вы даровъ; кто-жъ изъ васъ радъ будетъ кубкамъ сухимъ?

Милостивъ сходить къ нимъ Либеръ и съ тѣми суровъ
не бываетъ,

²⁾ Мы бы сказали: во имя таинственной лозы и плюща.

⁴⁾ Вино часто побѣждало любовь.

⁵⁾ Обращеніе къ прислужнику.

⁸⁾ *Бѣлыми птицами* означаетъ не какую-либо особую породу, а только благопріятными, какъ хорошее предзнаменованіе. Делій — Апполонъ, богъ свѣта, день.

*) За 12-мъ стихомъ недостаетъ по крайней мѣрѣ двустишія, связывавшаго предыдущее съ послѣдующимъ; но въ 1876 году одинъ ученый настойчиво утверждалъ, что тутъ никакого пропуска нѣтъ, но что въ 17 стихѣ слово Амуръ слѣдуетъ замѣнить словомъ отецъ.

20. Кто и его, и вино вмѣстѣ шутливое чтить;
Сходить онъ гнѣвенъ лишь къ тѣмъ, которые слиш-
комъ угрюмы;
Кто боится гнѣвить мощнаго бога, тотъ пей.
Какъ онъ гнѣвенъ порой и какимъ грозить наказаньемъ,
Ловъ кровавый тому матери Кадма примѣръ ²⁴⁾.
25. Но отъ насъ этотъ страхъ да будетъ далекъ, а вотъ та-то
Пусть узнаетъ, каковъ гнѣвомъ обиженный богъ.
Ахъ! чего я молю, безумецъ? Пусть вѣтры и тучи
Легкія въ даль разнесутъ праздныя эти мольбы.
Хоть не осталось въ тебѣ обо мнѣ и заботы, Неэра!
30. Счастлива будь, и твои ясны да будутъ судьбы.
Мы же время теперь посвятимъ беззаботной трапезѣ;
За печальными день свѣтлый одинъ настаетъ.
Горе! мнѣ тяжело притворяться веселостью ложной,
Трудно въ печальномъ умѣ думать о шуткахъ какихъ,
35. Не хорошо на лицѣ поддѣльный смѣхъ проступаетъ,
Не хорошо и слова пьяныя въ грусти звучать.
Что же ропщу я, бѣднякъ? Прочь грустныя всѣ вы
заботы!
- Ненавидитъ отецъ грустныя рѣчи Леней.
Гносянка! плакалась ты на языкъ вѣроломный Тезея ³⁹⁾

²⁴⁾ *Ловъ кровавый матери Кадма*—чрезвычайно изысканный и не тибулловскій оборотъ. Подразумѣвается здѣсь Пентей, оскорбившій Вакха, котораго его мать Агава, приведенная въ изступленіе Вакхомъ, при помощи вакханокъ растерзала. Нашъ поэтъ называетъ Агаву матерью Кадма, тогда какъ въ дѣйствительности она дочь Кадма, и кровавой ея добычею сталъ сынъ ея Пентей, котораго она въ опьянѣніи приняла, по Овидію, за кабана, по Эврипиду—за льва и, по Филострату—за лань.

²⁵⁾ Но намъ нечего страшиться подобной судьбы, *а вотъ та-то* явно указываетъ на Неэру.

³⁹⁾ По имени города Гноса, на островѣ Критѣ, поэтъ обзываетъ Аріадну, Миноиду, дочь Миноса, гносянкой вмѣсто критянки.

40. Нѣкогда, какъ на чужомъ мѣстѣ осталась одна;
 Такъ за тебя, Миноида! пропѣль Катуллъ просвѣ-
 щенный ⁴¹⁾,
 Неблагодарность къ тебѣ мужа повѣдая всю.
 Вамъ же теперь я скажу: блаженъ, кто изъ горя чужого
 Могъ поученья извлечь, какъ своего избѣжать.
45. Не уловляютъ пусть васъ на шеѣ висящія руки,
 И не обманетъ языкъ хитрый, умильно прося.
 Хоть бы своими клялась обманщица даже очами
 И Юноной своей да и Венерой своей,
 Вѣрности нечего ждать; обманчивымъ клятвамъ влю-
 бленныхъ
50. Самъ Юпитеръ смѣясь, ихъ разсылаетъ вѣтрамъ.
 Такъ почему же ропщу на слова я обманщицы дѣвы
 Столько? Идите же прочь, дѣльныя мысли, прошу ⁵²⁾.
 Какъ бы съ тобою хотѣлъ опочить я въ долгія ночи,
 И съ тобою безъ сна долгіе дни провожать,
55. Ты измѣнница мнѣ неповинному, недругъ напрасно,
 Ты измѣнница, но, хоть измѣняешь, мила!
 Вакхъ любитель Наядъ. Что медлишь ты, вялый при-
 служникъ? ⁵⁷⁾

⁴¹⁾ Катуллъ названъ просвѣщеннымъ за изученіе греческихъ оригиналовъ и мифологіи, хотя *doctus*, въ сопоставленіи съ поэтами просто значить вдохновенный. Катуллъ воспѣлъ (64, 52) жалобы Ариадны во слѣдъ уходящему Тезею. Нашъ поэтъ выбралъ самый разительный примѣръ любовныхъ жалобъ; хотя жалобы эти раздаются изъ устъ обманутой женщины, но онъ хочетъ сказать, что это все равно; жалоба есть жалоба, и чужой примѣръ излишняго отчаянія долженъ научить насъ не вѣрить обѣщаніямъ любви.

⁵²⁾ Дѣльныя мысли, *seria verba* собственно дѣльныя рѣчи, но здѣсь говорится объ серьезномъ настроеніи духа въ противоположность легкомыслію, въ которомъ поэтъ ищетъ спасеніе.

⁵⁵⁾ Чрезмѣрно искусственное выраженіе простой мысли: я не заслужилъ твоей измѣны.

⁵⁷⁾ *Наяды*—божества ручьевъ и преимущественно ключей; въ

Влагой марційской туши пыль въ многолѣтнемъ
винѣ ⁵⁸⁾.

Если трапезы моей соучастницей быть избѣгаетъ
60. Дѣва пустая, ища темное ложе дѣлать,
То я не стану всю ночь вздыхать въ непрестанной
заботѣ.

Мальчикъ иди и подбавь въ чашу покрѣпче вина!
Уже давно я, виски увлаживши нардомъ сирій-
скимъ ⁶³⁾,
Волосы долженъ бы былъ лакомъ вѣнковъ перевить.

настоящемъ случаѣ прозаическій переводъ будетъ: вино пьютъ съ водой.

⁵⁸⁾ По свидѣтельству Плинія (Натур. ист. XXXI, 3, 24), марційская вода, первая на всемъ свѣтѣ по свѣжести и по пользѣ для здоровья, считается въ Римѣ даромъ боговъ; истекая изъ горъ Пелигновъ (нынѣшнихъ Абруцъ), она протекаетъ черезъ область Марзовъ и Фуцинское озеро, направляясь къ Риму. Затѣмъ низвергается въ въ пещеру и, показавшись снова въ Тибуртинскомъ округѣ, проведена на двѣ мили въ Римъ по акведукамъ. Первый провелъ ее въ Римъ Анкъ-Марцій, затѣмъ преторъ Квинтъ Марцій и въ 721 году отъ Ос. Р. или 33 г. до Р. Хр. Маркъ Агриппа, будучи эдиломъ, возстановилъ водопроводъ.

⁶⁰⁾ *Темное ложе* недостойнаго человѣка.

⁶³⁾ Я чувствую такое облегченіе и такой приливъ беззаботной веселости, что долженъ бы давно надушиться ассирійскими благово-
ніями и надѣть вѣнокъ.

31 (III, 5). IV.

Жалоба и просьба къ далекимъ друзьямъ.

Васъ привлекаетъ волна, что бѣжитъ изъ этрусскихъ
истоковъ ¹⁾;

Къ этой волнѣ подойти въ жаркій каникулъ нельзя,
Нынѣ-жъ священнымъ ключамъ она байскимъ почти
не уступить,

Какъ отдыхаетъ земля въ блескѣ пурпурномъ весны.

5. Мнѣ-жъ Персефона уже про черный мой часъ воз-
вѣстила;

О богиня, щади юность безвиннаго ты!

Не пытался же я, навсегда для мужчинъ недоступной,
Славной богини кому дерзостно тайны открыть ⁸⁾,

31 (III, 5). Съ этимъ небольшимъ стихотвореніемъ неизвѣстный, но и не даровитый поэтъ, обращается къ друзьямъ, которые съ открытіемъ весны отправились въ Этрурію, къ тамошнимъ горячимъ ключамъ, куда, надо предполагать, они и его приглашали. Онъ извѣщаетъ ихъ о своей тяжелой болѣзни и проситъ помолить за него боговъ. Такъ какъ стихотвореніе это до Фосса считали принадлежащимъ самому Тибуллу, то вывели изъ него ложныя заключенія касательно жизни самого Тибулла. Сочинителю этихъ стиховъ, очевидно, знакомы были элегіи Тибулла и произведенія Овидія; у послѣдняго онъ даже позаимствовалъ цѣлый 18-й стихъ.

¹⁾ Объясненіе начала этого стихотворенія надѣлало критикамъ много хлопотъ, и Гейне даже предлагалъ вычеркнуть 2-й и 3-й стихи. Содержаніе стихотворенія слѣдующее: васъ привлекаетъ этрусскій источникъ, которымъ нельзя пользоваться во время знойныхъ каникуловъ, но весною его можно сравнить съ знаменитымъ байскимъ купаньемъ.

⁵⁾ *Персефона*, греческое имя Прозерпины, дочь Цереры и Юпитера, жена Плутона. *Черный часъ*—смертный.

⁸⁾ Славной богини, здѣсь стоитъ вмѣсто обычнаго: *доброй богини*. О ея значеніи и празднествахъ смотри 7, 18.

- Не отравляла моя рука ни сокомъ смертельнымъ
 10. Кубковъ, ни ядовъ чужихъ я никому не давалъ,
 Ни святотатственныхъ я огней не подбрасывалъ въ
 храмы,
 Ни объ ужасныхъ дѣлахъ въ сердцѣ заботъ не ношу,
 И безумной душой богохульные рѣчи лелѣя ¹³⁾,
 Не отверзалъ я и устъ противъ враждебныхъ боговъ.
 15. Черный мой волосъ пока еще сѣдинами не тронуть,
 Сгорбся, старость ко мнѣ тихой стопой не пришла.
 Мой рожденія день родители встрѣтили первый,
 Какъ въ одинакой судьбѣ консулы оба легли ¹⁸⁾.
 Что за радость хватать съ лозы недоспѣвшіе грозды
 20. И неводержной рукой рвать завязавшійся плодъ?
 О пощадите, вы боги, блѣднѣющихъ волнъ властелины,
 Вы, которымъ былъ данъ третьяго царства удѣлъ ²²⁾.
 Пусть дозволятъ тогда мнѣ поля Елисейскія видѣть
 И летейскій челнокъ близъ киммерійскихъ озеръ ²⁴⁾.
 25. Какъ лицу моему дать блѣдность морщявая старость,
 И мальчишкамъ старикъ буду о прошломъ твердить.
 О когда бы меня мой жаръ лишь пугалъ понапрасну! ²⁷⁾

¹⁰⁾ Чужихъ—въ смыслѣ приготовленныхъ не моими руками.

¹³⁾ *Безумной душой* больного человека.

¹⁸⁾ Годомъ гибели консуловъ Гирція и Панзы при Мутинѣ, въ войнѣ противъ Антонія въ 43 году до Р. Х., Овидій (въ *Trist.* IV, 10, 6) обозначаетъ годъ своего рожденія, который въ то же время могъ быть и годомъ рожденія автора этого стихотворенія, въ которомъ этотъ стихъ позаимствованъ изъ Овидія.

²²⁾ Боги безцвѣтныхъ водъ подземнаго царства, третьяго послѣ небеснаго и водяного.

²⁴⁾ Челнокъ, перевозящій умершихъ черезъ Лету близъ водъ, называемыхъ киммерійскими, такъ какъ, по понятію Гомера, Киммерійскія страны покрыты были вѣчнымъ мракомъ, и тамъ же находился входъ въ тартаръ.

²⁷⁾ Жаръ лихорадки.

Но двѣ недѣли уже члены томятся мои.

Вы жъ прославляете нынѣ струи божествъ тускулан-
скихъ ²⁹⁾,

30. И уступаетъ волна легкая тихой рукѣ.

Счастливы будьте живя, а живя и меня поминайте,
Буду ли живъ, иль меня къ бывшимъ причислить
судьба.

Между тѣмъ чернорунныхъ овецъ обѣщайте вы Дису ³³⁾,
Кубковъ тожъ съ молокомъ бѣлымъ, подбавивъ вина.

32 (IV, 5).

Ко дню рожденія возлюбленнаго.

Вотъ этотъ день, что тебя даровалъ мнѣ Церинтъ, онъ
священнымъ

Будетъ всегда и въ числѣ праздничныхъ дней для меня.

При рожденьи твоёмъ возвѣстили новое рабство

Парки всѣмъ дѣвамъ, тебѣ-жъ дали высокую власть.

²⁹⁾ *Божествъ тускуланскихъ*—наядъ этрусскихъ.

³⁰⁾ При плаваніи.

³³⁾ Дису — подземному богу, по установленному обряду, обѣщайте черную овцу.

32 (IV, 5). Это стихотвореніе, въ которомъ дѣвушка ко дню рожденія возлюбленнаго высказываетъ свои чувства, написано молодымъ человѣкомъ, принадлежавшимъ къ кругу знакомыхъ Мессаллы. Какъ видно, онъ хорошо изучилъ и высоко цѣнилъ элегіи Тибулла, которыя въ этомъ кругу читались и съ которыми стихотворенія о любви Церинта и Сульпиціи сохранились совершенно случайно только потому, что издатель счелъ ихъ принадлежащими Тибуллу. Что стихотвореніе это написано при полномъ знакомствѣ съ вышеозначеннымъ сборникомъ, видно по сходству нѣкоторыхъ мѣстъ въ настоящемъ стихотвореніи съ предшествовавшими. На этомъ основаніи оно и поставлено Фабриціусомъ въ концѣ сборника. Содержаніе сти-

5. Больше пылаю я всѣхъ, но я рада, Церинтъ, что
пылаю,
Если взаимнымъ огнемъ самъ ты исполненъ ко мнѣ.
Будь же взаимна любовь; о томъ ради нѣги украдкой,
Ради твоихъ я очей, Генія ради молю.
Мощный Геній! прими благосклонно моленья и ладанъ,
10. Если и онъ, обо мнѣ мысля, пылаетъ и самъ.
Если-жъ, быть-можетъ, теперь о другихъ онъ любовно
вздыхаетъ,
То отъ невѣрнаго, ты, чистый! бѣги алтаря ¹²⁾.
И правосудна ты будь, Венера! иль оба пусть служатъ
Вмѣстѣ тебѣ, иль мои узы уже облегчи.
15. Но пусть лучше мы оба надежно свяжемся цѣпью,
Чтобы затѣмъ никакой день насъ не могъ разлучить.
Вѣдь и юноша молить о томъ же, какъ я, только
скрытнѣй;
Стыдно открыто ему эти слова говорить ¹⁸⁾.
Ты же, Геній! которому все, какъ богу извѣстно,
20. Все подтверди, не равно-ль тайно иль явно молить?

хотворенія слѣдующее: дѣвушка ко дню рожденія юноши, котораго она любитъ и къ которому обращается подъ вымышленнымъ именемъ Церинта, съ увѣренностію въ его взаимности, молить его Генія объ исполненіи его желаній, а Венеру—о закрѣпленіи ихъ неразрывныхъ узъ.

¹²⁾ *Невѣрнаго алтаря*, отъ алтаря невѣрнаго человѣка непорочный Геній долженъ убѣжать.

¹⁸⁾ Дѣвушка молится одна и потому можетъ передъ богиней высказывать свои желанія, тогда какъ юношѣ, окруженному въ день рожденія родными и друзьями, стыдно громко произносить подобную молитву.

Содержаніе.

	СТР.
Ө. Ө. Коршу	3
Предисловіе	4
Жизнеописаніе Тибулла	8

ЭЛЕГІИ А. ТИБУЛЛА.

Первый періодъ.

1 (I, 7). Ко дню рожденія Мессаллы.	13
2 (I, 10). Война и миръ.	17

Второй періодъ.

3 (I, 1). Делія. Вѣнокъ элегій.	21
4 (I, 3).	25
5 (I, 5).	30
6 (I, 2).	34
7 (I, 6).	39

Третій періодъ.

8 (II, 1). Немезида. Вѣнокъ элегій.	46
9 (II, 3).	52
10 (II, 4).	57
11 (II, 5).	61
12 (II, 6).	69
13 (IV, 13) II, а. Эпиграмма	72
14 (IV, 14) II, б. Эпиграмма	73

Элегіи современниковъ и знакомыхъ Тибулла,
оказавшіяся между оставленными имъ рукописями.

15 (IV, 2). I. Сульпиція и Церинтъ. Элегическій вѣнокъ.	74
16 (IV, 3).	76
17 (IV, 4).	77
18 (IV, 6).	79

Прибавленіе.

19 (IV, 7). Пять любовныхъ писемъ Сульпиціи къ Церинту вмѣстѣ со вступленіемъ	80
20 (IV, 8).	81
21 (IV, 9).	82
22 (IV, 10).	—
23 (IV, 11).	83
24 (IV, 12).	—
25 (II, 2). II. Поздравленіе.	84
26 (III, 1). III. Неэра.	86
27 (III, 2).	88
28 (III, 3).	89
29 (III, 4).	92
30 (III, 6).	96
31 (III, 5). IV. Жалоба и просьба къ далекимъ друзьямъ. . . .	101
32 (IV, 5). Ко дню рожденія возлюбленнаго	103

Изданія А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Полевой, П. Н. Историческіе рассказы и повѣсти, съ 24-мя эстампами на мѣди и множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и вишетоковъ художника К. В. Лебедева. Цѣна этой книги, несмотря на значительный объемъ и роскошь изданія, назначена весьма умеренная: 5 руб., съ пересылкою 5 руб. 80 коп., въ красивомъ переплетѣ 6 руб., съ пересылкою 7 руб.

Гоголь, Н. В. Иллюстрированныя изданія 15-ти его произведеній, въ переплетахъ, цѣною безъ перес.: 1) «Коляска»—15 коп.; 2) «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»—20 коп.; 3) «Вій»—25 коп.; 4) «Майская ночь или утопленница»—20 к.; 5) «Сорочинская ярмарка»—20 коп.; 6) «Носъ»—15 коп.; 7) «Страшная месть»—25 коп.; 8) «Тарасъ Бульба»—30 к.; 9) «Пропавшая грамота»—15 к.; 10) «Ночь предъ Рождествомъ»—30 к.; 11) «Женитьба»—25 к.; 12) «Шинель»—25 к.; 13) «Заколдованное мѣсто»—15 к.; 14) «Ревизоръ»—40 к.; 15) «Старосвѣтскіе помѣщики»—25 к.—Цѣна всѣмъ 15 книжкамъ—3 р. 45 к., съ перес. 4 р. Выписывающіе 1 брошюру прилагаютъ за пересылку заказн. бандерол. 15 к.; отъ 2 до 4 брошюръ—30 к.; отъ 5 до 9 брошюръ—45 к.; отъ 10 до 15 брошюръ—55 к. Изданія украшены новыми художественно-исполненными рисунками и вишетками, прекрасно иллюстрирующими ихъ содержаніе. Книжки имѣются въ продажѣ только въ переплетахъ.

Покровский, К. Д. „Путеводитель по небу“. Практическое руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ невооруженнымъ глазомъ и малой трубой. 2-е дополненное изданіе. Съ 5 картами звѣзднаго неба, картою луны, 104 рисунками и 2 хромолитографіями (затменіе луны и карта Марса по наблюденіямъ Скиапарелли). Изящно издан. книга, 290 стр. in 8°. СПБ. 1897 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Линдеманъ, К. Э. „Основы общей зоологіи“. Съ 175-ю рисунками. Книга написана такъ литературно и просто, форма ея изложенія настолько общепонятна и интересна, что, несмотря на всю серьезность и научность ея содержанія, она читается очень легко и съ несомнѣнной пользою можетъ служить серьезнымъ по содержанію и вмѣстѣ съ тѣмъ популярнымъ по изложенію руководствомъ и для каждаго образованнаго человѣка, неспеціалиста, желающаго ознакомиться съ этою областью знанія. Цѣна 1 руб. 60 коп., съ перес. 2 руб., въ переплетѣ 2 р. 25 к., съ пересылкой 2 р. 65 коп.

Гоголь, Н. В. VI и VII томы X изданія, подъ редакціею В. И. Шенрока. Этими томами заканчивается X изданіе соч. Гоголя (насл. бр. Салаевыхъ), вышедшее въ свѣтъ еще въ 1889 г. подъ ред. П. С. Тихонравова, но только въ 5-ти томахъ. Къ VI тому приложены: портретъ Гоголя и 3 снимка съ собственноручныхъ рисунковъ Гоголя, относящихся къ послѣдней сценѣ „Ревизора“. Къ VII тому приложены собственноручные рисунки Гоголя: портретъ Пушкина, набросанный Гоголемъ и домики Гоголя. Цѣна VI-го тома (VIII+832 стр.) 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., VII-го тома (V+1087 стр.) 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Гнѣдичъ, П. П. Черезъ Черное море на Босфоръ. Съ 60 рисунками М. М. Далькевича, воспроизведенными Англереромъ и Гешлемъ въ Вѣнѣ. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 20 к.

Съ требованіями просятъ обращаться въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, М. Морская, 22.

Изданія А. Ф. МАРКСА. въ С.-Петербургѣ.

Лѣсковъ, Н. С. Полное собраніе сочиненій. Новое, второе изданіе въ 12-ти томахъ, съ критико-біографическ. очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ прилож. пяти портретовъ Н. С. Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравиров. на стали у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ Цѣна 15 р., съ перес. 17 р., а въ 12 роск. коленк. перепл., тисненыхъ золотомъ и краскою, 20 р., съ перес. 23 р.

Данилевскій, Г. П. Полное собраніе сочиненій. 7-е посмертное изданіе въ 9-ти томахъ, съ біографическимъ очеркомъ и съ приложеніемъ пяти портретовъ Г. П. Данилевскаго и вида его родового склена и могилы, въ селѣ Пришибѣ. Цѣна 15 р., съ перес. 17 р., въ пяти прочныхъ и красивыхъ коленк. перепл., тисненыхъ золотомъ, 19 р., съ перес. 21 р.

Полонскій, Я. П. Полное собраніе стихотвореній. Новое изданіе, въ 5-ти томахъ, вновь пересмотр. и очень значительно дополнен., съ прилож. двухъ портр. Я. П. Полонскаго (въ юношескомъ возрастѣ и по послѣдн. снимку), гравиров. на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Цѣна 6 р., съ перес. 7 р. 50 к.; въ 5-ти роск. коленк. переплетахъ 8 р. 50 к., съ перес. 10 р. 50 к.

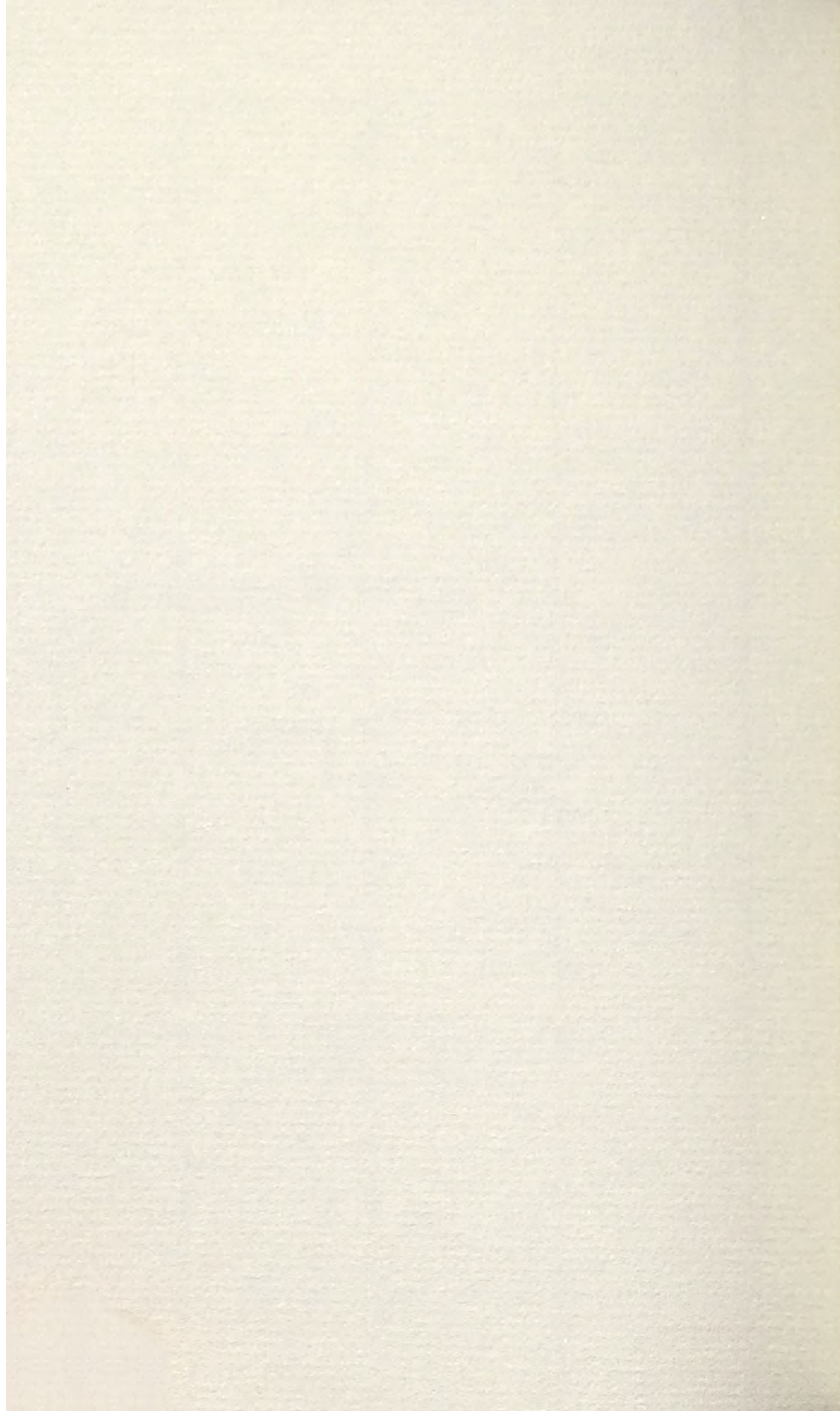
Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Въ 2-хъ томахъ. 1272 стр. въ 8-ю д. л. СПб. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; въ 2-хъ переплетахъ 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Цѣна роскошн. изданія на лучшей голландской слоновой бумагѣ, въ 4-хъ томахъ, 5 р., съ перес. 6 р.; въ 4-хъ переплетахъ—7 р., съ перес.—8 р.

Собранія сочиненій русскихъ классиковъ: 1) А. С. ГРИБО-ѢДОВА, 2) А. И. ПОЛЕЖАЕВА, 3) Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, 4) И. И. КОЗЛОВА, 5) А. В. КОЛЬЦОВА. 6) М. В. ЛОМОНОСОВА, 7) Д. И. ФОНВИЗИНА,—составленные по лучшимъ прежнимъ изданіямъ, тщательно провѣренныя по источникамъ, отчасти дополненныя и изданныя подъ редакціею А. И. Введенскаго, съ біографіями и портретами авторовъ, гравирован. на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ и Дейниингеромъ въ Мюнхенѣ. Цѣна за одинъ экземпляръ cadaго изъ означенныхъ семи собраній сочиненій 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ коленкор. переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками, 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 80 к. Для любителей изящныхъ изданій сочиненія эти (за исключеніемъ соч. Кольцова) отпечатаны на лучшей голландской слоновой бумагѣ,—по цѣнѣ за экзempl.: 2 р. 50 к., съ перес. 3 р., а въ роскошн. коленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Майковъ, Л. Н. Батюшковъ, его жизнь и сочиненія. 2-е, вновь пересмотрѣнное изданіе съ портретомъ К. Н. Батюшкова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ и печатаннымъ на японской бумагѣ. Большой, красиво изданный томъ, около 300 стран. большого 8^о, отпечатанный на превосходной бумагѣ. Цѣна 3 руб. 50 коп., съ перес. 4 руб.

Баскинъ, В. С. «П. И. Чайковскій». Очеркъ этотъ снабженъ портретомъ Чайковскаго, біографическими свѣдѣніями и перечнемъ всѣхъ произведеній знаменитаго композитора—музыкальныхъ и литературно-критическихъ. Цѣна 75 коп., съ перес. 1 руб.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

Buchbinderei
H. Pantele
8051 Massenhausen
Tel.: 08165/80121

Tibullus, Albius,

Ėlegii Tibulla V perevodě i s ob-jasnenijami A[fanasija Afanas'eviča] Feta

S.-Peterburg (1898)

A.lat.a. 2613 v

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11857092-5